

СТЕПАН ГАВРИЛОВИЧ ИВАНОВ. Родился в селе Тауш Чернушинского района Пермской области. В годы Великой Отечественной войны — летчик-истребитель, командир эскадрильи, заместитель командира полка, штурман 148-го гвардейского истребительного авиаполка особого назначения. Принимал участие в боях с фашистами в небе Мурманска, Сталинграда, Курска, Киева, Минска. Воевал в Польше и Германии. Герой Советского Союза. Умер в 1983 году.

В ОГНЕННОМ НЕБЕ
РОДИНЫ

ДОРОГА В ПЯТЫЙ ОКЕАН

В моей судьбе отразилась биография целого поколения. И я пишу о себе, чтобы показать, насколько мы, дети Октября, счастливы от сознания своей личной причастности к созиданию и защите той радостной жизни, какой живут сегодня советские люди.

...Придавленные временем и беспросветной нуждой три десятка бревенчатых, почерневших и покосившихся домишек с тусклыми, подслеповатыми окнами, разбросанных на крутом холмистом берегу реки Танып. Здесь, в селе Тауш Чернушинского района Пермской области, я родился и вырос.

Деды и прадеды мои крепко держались за землю. Вдоволь иметь хлеба — об этом мечтали они всю жизнь. И все же голод был их вечным спутником. Но и в первые после-революционные годы жизнь не баловала моих земляков: случались неурожаи, засуха, гибель скота. Тяжело доставался хлеб в одиночку. Десять потов сойдет, пока подготовишь свой клочок земли к севу. Нашей семье было чуть легче — имели лошадь. А каково приходилось безлошадным! Впрягались в соху сами и тянули, тянули изо всех сил, или шли на поклон к местному кулаку. Он охотно давал лошадь, плуг, борону или другой сельхозинвентарь. Но за все это брал третью часть урожая. Хорошо, если хлеб уродился, а если нет?

Вихри новой жизни, поднятые Октябрьской революцией, взбудоражили и затерявшееся в глубине России село Тауш. Особенно запомнился мне майский день 1929 года. Несколько наиболее обездоленных крестьянских семей решили объединиться, чтобы сообща обрабатывать наделы. Собрание проходило долго и бурно. Свое артельное хозяйство крестьяне называли гордым именем «Красноармеец». В память о расстрелянных за околицей села бойцах Красной Армии в 1918 году. Первым организатором колхозной жизни стал демобилизованный красноармеец Илья Лаврентьевич Черных. В числе первых записались в колхоз мой отец, Гавриил Макарович, и старшие братья — Александр и Василий.

Мы, школьники, как могли, помогали молодому колхозу: сгребали сено, выбирали картофель на полях, собирали колосья. ...С восходом солнца гоним лошадей из ночного, на конный двор. Красив наш край в час восхода солнца! Тихо, безветренно. Уральские горы кажутся хрустально-прозрачными. Их вершины первыми встречают солнце.

Однажды в такое вот утро я стоял у погасшего костра и любовался величественной панорамой. Внезапно где-то в вершинах сосен раздался гул. Задрав голову, увидел, как в небесной синеве плыл двухкрылый самолет.

Я уже слышал, что есть такие машины, которые летают, но воочию убедился в этом впервые. Самолет скрылся за ближайшей возвышенностью. Мне показалось, что он сел, но, взбежав на пригорок, увидел, что винтокрылый аппарат продолжает свой путь.

Я долго стоял и смотрел, как он все уменьшался и стал почти точкой. В тот раз родилась мечта — ближе рассмотреть самолет.

После окончания семилетки я поделился с родителями своим желанием учиться дальше и стать летчиком. Мнения резко разделились. Мать настаивала на продолжении моей учебы в школе, а отец и слышать об этом не хотел:

— Все стоит земель, — твердил он. — Ближе ее нет ничего. Семилетки тебе хватит. Вот Александр, два класса име-

ет, а в колхозе почет ему. Трудится хорошо. Василий выдвинут на конюшню — тоже почет. При колхозной тягловой силе состоит. Вот и ты иди к нему.

Правильно говорил отец и о земле, и о людях, возделывающих ее. Но он уже понимал и другое: с приходом машин в колхоз потребуются и токарь, и слесарь, и электрик, и многие другие специальности. Поэтому в голосе его все чаще чувствовалась неуверенность в правильности своих суждений. Он все чаще уступал матери в спорах, и, наконец, согласился отпустить меня в Камбарку — в ФЗУ.

Последним августовским днем 1930 года я уходил из родного села. Провожая меня, мать с грустью сказала:

— Старею уж, увидимся ли, не знаю. Учись, сынок, хорошо, слушай старших.

Я обещал учиться хорошо, и обязательно приехать на каникулы домой.

Но свидеться нам больше не довелось. Зимой она внезапно заболела и вскорости умерла.

343 раза вылетал я на боевые задания по защите матери-Родины, и каждый раз при мне была пожелтевшая от времени фотография родной матери. Мать-Родина и родная мать — понятия неразделимые.

...После того как мне удалось освоить азбуку токарного дела, время полетело быстро. Казалось, еще совсем недавно приступил к занятиям, а вот уже на носу и выпускные экзамены. Я сдал их на «отлично». Вместе с документами об окончании училища мне вручили похвальную грамоту.

Призыв IX съезда ВЛКСМ «Комсомолец — на самолет!», прозвучавший в 1931 году, окончательно завладел моими чувствами. Конечно, я восхищался авиацией, но как попасть в небо, если нет грамоты?

— В Свердловске есть автодорожный техникум, там же есть и аэроклуб. Смекаешь? — спросил меня однажды Александр Шишкин, мой земляк, страстно мечтавший сесть за руль автомобиля.

— Не совсем, — ответил я.

— Можно совмещать учебу в техникуме и аэроклубе. Теперь понял?

Не заезжая домой, мы поехали в Свердловск.

Успешно сдав экзамены в автодорожный техникум, на отделение эксплуатации и ремонта автомашин, я пошел записываться в аэроклуб.

— О небе мечтаешь? — спросил крепыш в зеленой гимнастерке. — Это хорошо! Только маловат еще для авиации. Да и в техникуме надо показать себя: с плохими оценками мы не принимаем. Приходи через годик, посмотрим!

На следующий год я принес в аэроклуб заявление с путевкой комитета ВЛКСМ и всеми нужными документами.

— А как же техникум? — спросил начальник аэроклуба.

— Буду осваивать автодорожное дело и летное. Пригодится, — ответил я.

— Решение хорошее, — похвалил начальник аэроклуба. — Сейчас, когда в воздухе запахло порохом, наша молодежь, как никогда, должна быть готова к защите Родины.

Документы мои приняли, и меня зачислили на авиамodelное отделение, через месяц перевели на планерное, но мне хотелось летать немедленно, тотчас же. И я пошел к начальнику аэроклуба.

— Чтобы стать летчиком, надо хорошо освоить теорию авиации и авиатехники, — выслушав мою просьбу, сказал он. — На планерном отделении вы все усвоите. А группа пилотов от вас не уйдет.

На следующий год я был зачислен в группу пилотов. С тех пор аэродром стал моим вторым домом.

Узнав о моих увлечениях авиацией, отец перестал высылать мне деньги. Пришлось вечерами подрабатывать на разгрузке железнодорожных вагонов. Особенно трудно было в дни летних каникул, когда стипендию не платили. Приходилось вставать до восхода солнца, бежать на аэродром, затем — на разгрузку вагонов. После работы снова спешил на аэродром и до темноты изучал материальную часть самолета, теорию пилотирования, готовил самолеты к полету.

Сдав успешно экзамены по теории авиации и авиатехнике, я ждал, что вот-вот инструктор разрешит мне подняться в воздух.

И вот первый вылет. Самолет в воздухе. Слышу голос инструктора:

— Делаем срыв в штопор.

Убираю газ, затих мотор, самолет как бы повис в воздухе. И вдруг заваливается на правое крыло, закружилась земля. Сердце замирает от сознания: «А вдруг инструктор не выведет машину из штопора».

А в переговорной трубе снова слышится голос инструктора:

— Испугался?

— Никак нет. — А сам думаю: «Хоть бы не торопился со следующей фигурой».

В кабине опять послышался бас инструктора:

— Выполняем петлю.

И мы уже летим вниз головой. Ноги и руки дрожат, стараюсь вида не подавать, смотрю вперед на горизонт.

Полет окончен. Вылезаю из кабины. В ушах гудит, стучит, земля под ногами плывет, а в сознании проскальзывает мысль: «Не освоить тебе, Степан, летного дела».

Инструктор Дмитриев на похвалы был скуп. И все же он мне нравился своей принципиальностью, требовательностью, внимательностью и чуткостью. Но и спрашивал строго за малейшее отступление от летных правил. В тот день он сказал мне:

— Техникой пилотирования владеешь хорошо, а вот своими нервами — плохо. В небе тем и другим надо владеть в совершенстве...

И вот настал день, когда Дмитриев подал команду:

— Учлет Иванов, в самолет!

Поднимаюсь в первую кабину, замечаю — во второй кабине закреплен мешок с песком, значит — лечу один! Привязываюсь ремнями. На крыло поднимается инструктор:

— Действуй, как я учил.

Преодолеваю волнение, осматриваюсь. Прошу разрешение на взлет. И вот я в воздухе. Самолет послушен малейшему движению руки. Совершаю круг над аэродромом. Стараюсь выполнять все по-порядку, как учили. Захожу на посадку. Хотелось сесть точно у «Т» на три точки, но поспешил: рано убрал газ, потерял скорость, и самолет резко плюхнулся вниз, не дотянул до посадочного знака.

Дмитриев первым подбежал к машине, но не поздравил меня, а сказал просто: «Хорошо. Только подчисти посадку».

Мысль стать военным летчиком возникла у меня тогда, когда я заканчивал учебу в аэроклубе. Однажды к нам принимать экзамены по пилотированию прибыл военный летчик. Его образцовый внешний вид, безукоризненная строевая выправка, обширные познания в области авиационной техники произвели на меня неизгладимое впечатление. Он казался мне идеалом не только летчика, а и человека вообще. А после его рассказа о себе и курсантах училища мне стало ясно, что цель моей жизни четко определилась.

В один из последних августовских дней 1936 года я переступил порог Оренбургской школы летчиков и летчиков-истребителей имени К. Е. Ворошилова (ныне Оренбургское высшее военное авиационное училище имени И. С. Полбина). Созданное в 1921 году, училище это стало настоящей кузницей воздушных защитников советского неба. Из стен его вышли многие прославленные летчики: В. П. Чкалов, И. С. Полбин, С. И. Грицевец, Л. И. Беда, С. Д. Луганский, И. Ф. Павлов, Е. П. Федоров, А. С. Смирнов, В. Н. Осипов и многие другие. Юрий Гагарин — тоже воспитанник этого училища.

Я, как и многие другие учлеты, прибывшие из Свердловска, был зачислен в училище без экзаменов.

Довелось с первого дня командовать отделением курсантов. О примерности в учебе напоминать никому не приходилось. Каждый страстно хотел летать. Отличная учеба и образцовая дисциплина были нашей первой заповедью.

В середине 20-х годов в школе инструктором работал

М. М. Громов. Еще в годы гражданской войны он на стареньком, пробитом пулями и осколками самолете бомбил войска Колчака. Самым выдающимся его учеником стал Валерий Чкалов, который проходил в училище курс боевого применения авиации.

Валерий Павлович перенял громовский почерк полета, его школу мастерства, а мы стремились научиться выполнять, как он, перевернутый полет, восходящий штопор, четвертную бочку. В годы Великой Отечественной войны мне не раз приходилось в сложных условиях использовать эти боевые приемы, вести воздушный бой на вертикалях, стрелять при любом положении самолета. Так что уроки те не пропали даром.

Моя учеба в училище совпала с тем временем, когда на мир надвигалась коричневая чума, когда в Испании полыхал фашистский мятеж, создавалась пресловутая «ось» Берлин — Рим — Токио, вблизи северо-западной границы СССР возводилась «линия Маннергейма». Мы понимали, что рано или поздно фашистская орда, подталкиваемая империалистическими государствами, может ринуться на нашу страну, и потому учились военному делу с огромной настойчивостью. Запомнились слова В. П. Чкалова, прочитанные мной в газете училища «Контакт»:

«...Научиться быстро летать — это еще не достижение, — писал он, — нужно так научиться летать, чтобы в любой момент быть готовым для защиты Родины с воздуха».

Наше дружное отделение без замечаний прошло курс молодого бойца и завоевало первое место в отряде и эскадрилье. Наконец, наступил памятный день. С утра оделись в парадную форму. Выстроились с карабинами на городской площади. Город готовился к встрече 19-й годовщины Великого Октября — расцвел флагами, транспарантами, портретами. Прямо перед нашим строем располагался большой портрет Владимира Ильича Ленина. На трибуне — представители интеллигенции, рабочих и колхозников. Как передать чувство гордости, которое владело мною в этот день! И не только мною. По лицам товарищей видел, что они переживают то же самое.

Мы присягаем на верность своему народу, Коммунистической партии.

...Учимся напряженно. В просторных классах стоят длинные столы, на стенах много плакатов, схем. На столах — приборы, детали, действующие макеты. Каждый прожитый в этих стенах день приносит новую информацию, навыки, опыт. А инструктор нашей группы лейтенант Варлашин все время повторяет: «Чтобы хорошо летать, надо много знать...»

Мы и старались. Но не всегда все получалось гладко.

Помню первый самостоятельный вылет на истребителе. Ввиду того, что я был в числе отличников боевой и политической подготовки, мне разрешили самостоятельный вылет. Сам полет прошел без сучка, без задоринки, это я чувствовал, но конец, говорят, всему делу венец, а впереди еще была посадка. Я же не рассчитал скорость, рано выровнял самолет и проскочил посадочный знак. Самолет выкатился за полосу и остановился. Настроение было скверное: клял свое лихачество, самоуверенность, грызло чувство вины перед инструктором и товарищами по отделению.

Лейтенант Варлашин принял мою беду близко к сердцу и старался меня подбодрить:

— Зачем нос вешать?! С кем не бывает? Сегодня не получилось, завтра получится... А духом падать — совсем нехорошо!

Кажется, ничего особого не сказал, но мне до сих пор помнятся те слова.

Однажды в гости к нам, курсантам, приехал Герой Советского Союза Анатолий Константинович Серов, участник боев в Испании. Героическая и интересная судьба у этого человека. Коммунист Серов являлся одним из инициаторов действий истребителей ночью. В таких боях он уничтожил 8 вражеских самолетов. На встрече Анатолий Константинович сказал: «Летчик-истребитель должен быть дерзким, хладнокровным, отважным, всегда точно рассчитывать свои действия, безукоризненно знать боевую технику — свою и противника. Быть мужественным и смелым...»

Я жадно слушал рассказы прославленных летчиков, хорошо ему завидовал им. Точно такую же зависть читаю я теперь в глазах мальчишек, когда рассказываю им о своих боевых товарищах.

...Позади остался год учебы в училище, впереди — еще один. А теперь был отпуск, и я решил съездить на родину, в Тауш. Когда с отпускным билетом вышел из штаба, казалось, оттолкнись я посильнее от земли — и без самолета взлечу в небо. Даже многочисленные и длительные остановки поезда на станциях и полустанках не могли уменьшить радость встречи с родными местами. Со станции Чернушка пошел пешком. Отмахал десяток километров, но усталости не почувствовал. Дома ждала незабываемая встреча. Пришли братья с женами, соседи, брат Александр развернул мехи «хромки», полилась музыка.

В тот же вечер ребята пригласили меня в клуб. Я согласился с большой охотой, так как надеялся встретить там свою соседку. Застенчивая и скромная, она давно приглянулась мне, еще со школьной скамьи. В тот вечер не сводил с нее глаз, да и она поглядывала в мою сторону. После вечеринки пошел провожать ее.

Видно, не так уж и коротка была дорога до ее дома. Пока дошли, вторые петухи начали петь. А однажды домой пришел не один. Заробели мы, никак не решимся порог переступить. На крыльце появился отец. Отступать, как говорится, некуда.

— Знакомься, моя невеста.

— Чего же знакомиться-то, личность знакомая — Анна, Кирилы Максютинина дочка. Проходите в дом, не стесняйтесь, коли серьезно решили.

Так Анна Кирилловна Максютинина стала моей подругой жизни. Она поделила со мной все горести и радости на большом жизненном пути.

За свой ратный труд я удостоен звания Героя Советского Союза. В сиянии Золотой Звезды есть отблеск и ее заслуг, верного товарища, боевой подруги...

Мой приезд в боевую часть и встреча с командиром прошли буднично, но запомнились на всю жизнь.

Когда я прибыл в местечко Кречевицы, что под Новгородом, было ясное ноябрьское утро 1938 года. На небе — ни облачка, и вся округа — густой лес, верхушки кустарника, выглядывающие из-под голубого снега, белые крыши домов — все застыло в морозном оцепенении. Местность чем-то походила на нашу, пермскую. Это бодрило и радовало меня.

За годы войны мне довелось побывать на Кольском полуострове, в степях Украины, летать над лесами Белоруссии, полями Польши... Всюду я находил сходство с пермской землей. И понял, что моя малая родина — родная сестра другим землям.

...Неожиданно над головой послышался гул. Из-за темной полосы леса вынырнул самолет И-15 и пошел на посадку. Из разговора с летчиками я уже знал, что предстоит летать на старом типе самолетов, а не на И-16, который мы изучали в училище. Разочарованные, я, Басов и Зеленцов стояли в узком, полутемном коридоре штаба эскадрильи и ждали командира.

Комэск капитан Елагин, коренастый, плотный, с густой темно-русой шевелюрой, весело поздоровался с нами и предложил пройти в его кабинет.

С лица командира не сходило выражение приветливости, но темные пронизательные глаза смотрели зорко и выжидательно: посмотрим, каких соколов нам прислали.

Тщательно выбритый, в хорошо подогнанной гимнастерке, он выглядел так, словно готовился на парад. И вдруг спросил:

— Известна ли вам формула воздушного боя?

Мы, вновь прибывшие, переглянулись, пожимая плечами, не зная что ответить.

— Верность Отечеству, традициям советской авиации, глубокое знание самолета и его вооружения, умение мастерски

применять его в бою, смелая атака в бою — вот формула боя и залог победы истребителя в воздушном бою...

Насколько эта формула была верна, я убедился позднее — в боях с врагами.

А пока потянулись будни.

Мерить ратный труд приходилось не временем, а уровнем боевого мастерства. Об усталости как-то не думалось: все казалось, что сделано очень мало, что день слишком короток.

Идешь, бывало, вечером домой и думаешь: «Что бы еще сделать, на какие приемы боя обратить больше внимания?»

И так — день за днем.

Однажды к нам зашел командир 2-й эскадрильи капитан Ткаченко.

— Завтра учения. Кто у вас опытный боец? Внесите в плановую таблицу — проведем с ним показательный учебный бой.

Начальник штаба старший лейтенант Заниздра глянул в график:

— Полетит младший лейтенант Иванов.

— Иванов, так Иванов! Пусть готовится...

Погода в тот день стояла морозная и солнечная. Слабый ветерок играл желто-голубым полотнищем авиационного флага на мачте стартового командного пункта. Я ожидал напарника и волновался. В обычные дни, мы, молодые летчики, нередко толпились вокруг капитана Ткаченко: тянуло послушать его рассказы о боях в Испании. Потом я не раз видел, как он летает. Ловко и красиво у него все получалось — с чистотой и отшлифованностью, которая свойственна настоящему мастеру: короткий разбег, энергичный взлет, четкость выполнения пилотажных фигур, уверенная посадка. Было видно: понимает небо и беззаветно любит его, чувствуя себя в нем так же твердо, как и на земле.

Я знал, что еще никто из летчиков не уходил от него «необстрелянным» в учебном воздушном бою. Как правило, победа оставалась за ним.

В назначенное время Ткаченко подошел ко мне, спросил:

— Зона?

— Вторая.

— Расходимся под сорок пять. Бой — по моей команде. Конец — тоже. Вопросы?

— Вас понял. Вопросов нет.

Я хорошо знал эту зону: под крылом — замерзшее Чудское озеро, со всех сторон окаймленное лесом. Здесь был домик егеря, у которого я отдыхал, когда ходил на рыбалку.

Самолет капитана дважды качнулся с крыла на крыло. Это означало: мы должны разойтись, чтобы затем сойтись в схватке.

«Ну, Степан, держись!» — сказал я себе, вводя машину в разворот.

...Начали сходитьсь. На мгновение заметил промелькнувший мимо самолет «противника» и сразу ввел свою машину в левый боевой разворот. В верхней точке разворота оглянулся: «противник» не отставал и, видимо, выжидал удобного момента, чтобы выйти на прямую и открыть «огонь». Успевая бросить машину в крутой вираж и с силой тяну ручку на себя, чтобы уменьшить радиус разворота.

Прежде я не раз так делал, подражая Валерию Чкалову. Не выдержав перегрузки, «противник» — по идее — должен был отстать. Но капитан Ткаченко оказался не из тех, кто боится большой перегрузки. Откровенно говоря, я на это все же рассчитывал. Как-никак, а он на десять лет старше меня.

Но капитан, казалось, смеется надо мной. Он сидит у меня на «хвосте», как привязанный, не отстает и не меняет маневра.

Снова бросаю машину вверх. Когда мой самолет перевернулся через крыло, «противника» позади не оказалось. Он ходил внизу, перекладывая самолет из виража в вираж. «Что случилось? Атаковать меня он не мог», — подумал я, идя на посадку.

К зарулившим самолетам подошел наш комэск. Ткаченко устало выбрался из кабины и сказал ему:

— Иванов ваш — молодец: хватка у него истребительская! Так и не дал мне «стрельнуть» по нему.

— Поздравляю! — Ткаченко крепко пожал мне руку.

И откуда нам было знать, что шесть месяцев спустя мы встретимся в Кремле, и я буду поздравлять его с высоким званием Героя Советского Союза, а он меня — с орденом Красной Звезды.

Учебные бои — это лишь подготовка к самому трудному испытанию. Такой час настал — на нашу северо-западную границу напали белофинны.

Пришлось серьезно оттачивать стремительность атаки, учиться штурмовать и бомбить позиции противника под огнем его пулеметов и зенитных орудий. В этих боях я приобрел опыт, который пригодился мне в Отечественную войну.

...Накануне нападения белофиннов наша эскадрилья перебазировалась под Петрозаводск в местечко Бесовец, но вскоре из-за частого артиллерийского обстрела пришлось перелетать на запасной аэродром, который разместился на озере Соу-Ярви. Как ни странно, но в самом Петрозаводске жилось тревожнее, чем здесь, на аэродроме, хотя и находился он ближе к линии фронта.

В один из последних декабрьских дней поступили сведения о большом сосредоточении финских войск вблизи города Вертсиля.

Звену, в котором я находился в качестве ведущего, приказано было произвести разведку. Командир эскадрильи подробно ознакомил летчиков с особенностями театра боевых действий. Командир тщательно инструктировал нас. Он понимал важность первого боевого вылета.

В первом бою нужно победить не только врага, но и себя, свою неуверенность, скованность, страх.

Сигнал. Летчики быстро выстраиваются у стартового домика. Даю последние указания о порядке взлета и сбора по кругу, о действиях в воздухе при встрече с противником, о заходе в зону бомбометания и выходе из нее.

— Смотрю на часы: прошло уже тридцать пять минут полета, а противника не видно. Невольно закрадывается мысль об ошибочности сведений наземной разведки.

Вдруг мой самолет подбросило. Видимо, подо мной в воздухе разорвался снаряд. Выравниваю машину. Сделал «горку» и нырнул в облака. Оглянулся — Сергей Зеленцов и Владимир Басов повторили мой маневр и теперь, покачивая крыльями, давали понять: все в порядке.

Снова снижаемся. Теперь перед нами извилистые ходы сообщения, окопы, паутина проволочных заграждений, лесные завалы, полевая артиллерия на огневых позициях. Все это значками наношу на карту. Ребята делают то же самое. Сбрасываю, одну за другой, две пятидесятикилограммовые бомбы на скопление техники. Затем заходим повторно. Почти на бреющем полете поливаем врага огнем из пулеметов и уходим.

Оглянулся: не подбит ли кто из наших? Нет!

Так закончился первый боевой вылет для меня и моих товарищей.

В середине февраля 1940 года командованию стало известно, что на наше направление переброшено несколько свежих вражеских частей, которые передвигаются на лыжах. Разведка установила местонахождение неприятельского штаба, и нам поставили задачу уничтожить его.

— Туда и обратно — на максимальной скорости! Иначе...

Я понимал, чего не досказал командир. До наступления темноты времени оставалось очень мало, а ни самолет, ни аэродром для полетов в ночное время не приспособлены, да и навыка таких полетов мы не имели.

Мотор не запущен. На плоскость самолета поднимается комиссар эскадрильи Григорьев. Он что-то говорит, но его голос тонет в самолетном гуле. Тогда он наклоняется ко мне и кричит в самое ухо:

— Помни, сегодня тебя принимаем в партию...

Знал я, что задача поставлена не из легких. Штаб противника, который предстояло уничтожить, был хорошо замаскирован и прикрывался зенитными средствами.

Лететь пришлось долго. Внимательно просматривая каждую опушку леса, холм.

Неожиданно стала просматриваться тропинка в глубоком снегу, которая обрывалась в густом сосняке. Вывожу самолет в набор высоты, разворачиваюсь и бросаю его в крутое пике. И тут яростно ударили зенитки. Стало ясно: штаб здесь!

Тщательно прицеливаюсь, пара «пятидесяток» отрывается. Самолет вздрогнул и, освободившись от бомб, круто пошел вверх. Один за другим прогремели взрывы. Уйти от ударной волны не успеваю: она подхватила самолет на свой гребень и подбросила на добрых сто метров. Позднее в фюзеляже и плоскостях самолета механики насчитали до пятидесяти пробоин, а из парашюта извлекли пулю. Но все обошлось благополучно.

Вечером, в палатке, доверху занесенной снегом, при свете керосиновой лампы на партийном собрании эскадрильи двенадцать человек слушали мое заявление: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Звание коммуниста оправдаю в бою...».

С того дня прошло более сорока лет. За это время мне довелось участвовать в работе многих собраний, партийных конференций. Я заседал в залитых неоновым светом залах. И все же до мельчайших подробностей помню именно то собрание, в сороковом году на финском фронте. В тесной и холодной палатке, на сырых ветках, прикрывавших полузамерзшую землю, сидели утомленные тяжелыми боями люди.

— Теперь мы стали сильнее еще на одного коммуниста, — сказал комиссар эскадрильи, крепко пожимая мне руку.

В конце мая 1940 года я прибыл в истребительный авиационный полк, который базировался на острове в Белом море. Назначили меня на должность командира звена. А эскадрилей, куда входило мое звено, командовал старший лейтенант Арам Чогошвили. Оказалось, полк летает на И-153, а я знал только самолеты И-15 и И-16. Всю ночь изучал инструкции по технике пилотирования на И-153. Утром вышел на стоянку, вижу, комэск уже осматривает машины. Завидев меня, подзывает.

— Вот ваша машина, товарищ лейтенант.

Мы вместе стали осматривать самолет. Я изучал кабину, включал мотор. «Живая» машина не то, что инструкция к ней. Чогошвили подсказывает, советы дает. Вместе с ним запускаем и включаем мотор, изучаю прицел, оружие, реактивную установку. Затем командир как следует «погонял» меня по инструкции.

Я был приятно удивлен: до чего просто, без всяких официальностей держался Чогошвили со мной, новым человеком, и со всеми — с техниками, механиками, летчиками... В общем, с помощью Арама Чогошвили и других товарищей я постиг все новшества И-153 и уже на другой день смог сдать зачет по авиационной технике. Инженер полка даже удивился, что я так быстро подготовился к зачетам.

Тренаж в кабине самолета и моя подготовка к первому самостоятельному вылету на И-153 тоже шли под руководством Арама Чогошвили. Он давал мне «провозные», как инструктор. Скажет: «А ну дорогой, в каком порядке будешь запускать мотор?..» Потом спросит о порядке руления, о технике взлета, о скоростях, углах, кренах... Потом задает мне «особые случаи» в полете, проверяет быстроту реакции...

Выполнил я контрольный полет и получил право летать на И-153.

Быстро продвигаясь по летной программе, наше звено вскоре стало выполнять полеты на отработку боевых действий, включающих поиск и атаку воздушных целей. Большое внимание уделялось вопросам тактики. Причем все занятия по тактике воздушного боя строились так, чтобы летчик вырабатывал умение мыслить в бою, находить наиболее грамотное тактическое решение.

Все это делалось для того, чтобы каждый летчик мог в случае необходимости выбрать наивыгоднейший вариант ведения воздушного боя, был полностью, как говорится, отомобилизован и готов к уничтожению противника с первой атаки на заданном рубеже.

Мы прекрасно были осведомлены о том, как расползается фашизм по Европе и поэтому не строили иллюзий в отноше-

нии нашей безопасности. Мы отдавали себе отчет в том, что гитлеровская Германия, заключившая с СССР пакт о ненападении, не отказалась от своей главной цели — ликвидации социалистического государства.

— Мы военные летчики, — любил повторять Чогошвили, — мы готовимся для боя. А для этого надо учиться действовать не шаблонно, а творчески, инициативно, всякий раз применять новый тактический прием.

Сам командир подавал хороший пример того, как нужно вести воздушный бой одиночно, в составе пары, звена. Каждый вылет с ним был для нас хорошей школой возмужания. Однажды и я удостоился его благодарности. А было это так.

Приняв доклад техника о готовности самолета, занимаю место в кабине. Есть некоторое время на вхождение в рабочую обстановку: еще раз мысленно повторяю порядок своих действий в воздухе, продумываю всю динамику боя.

Получив разрешение на взлет, поднимаю машину в морозную высь. Пилотируемый командиром самолет, обозначающий «противника», маневрирует курсом и высотой. Еще несколько секунд, и он откроет «огонь» по моей машине. Резко перевожу машину в пике с разворотом вправо.

Убедившись, что «бой» на горизонталях не приносит ему успеха, Чогошвили перешел на вертикальный маневр. Его машина почти свечой взмыла вверх.

Следуя примеру командира, разгоняю машину и веду ее на косую полупетлю Нестерова. Перевернувшись в верхней точке через крыло, использую оставшийся запас скорости, иду еще на один боевой разворот и оказываюсь выше машины командира.

Комэск сразу понял, что с такой позиции «уничтожить» его мне не составляет никакого труда. И он дал сигнал следовать на аэродром.

Смотрю вниз. Белое море гонит пенистые волны, среди них серо-зеленый пятачок острова, с раскинувшимся аэродромом с его служебными и жилыми строениями.

Иду на посадку. На высоте двести метров начинаю гасить

скорость. Легкий толчок, каким всегда встречает земля, небольшая пробежка по взлетно-посадочной полосе, и полет окончен.

Подхожу к машине командира. Он распекает техника.

— На таком тихоходе только молоко возить! Двигатель недодает обороты на десять-пятнадцать процентов, а вы выпускаете машину в воздух. Безответственность!..

Позже техник рассказывал, что двигатель работал «как зверь», что все системы проверил — «все в норме».

Вечером на разборе полетов старший лейтенант Чогошвили сказал:

— Дрались вы, товарищ Иванов, хорошо. Замечаний нет. Только, кто вас учил делать двойной боевой разворот?

— Вы, товарищ командир.

— ??

— Ну, вы же перед каждым полетом говорите, что воздушный бой — это творчество...

Весна 1941 года наступила рано. Как-то сразу заголубело небо, что редкость в этих краях. Засияло солнце, подсохла земля. А раз аэродром подсох, значит, начинай полеты.

В авиации нельзя научиться чему-то одному и жить этим всю жизнь. Чтобы не отстать, не потерять летную форму, приходится учиться каждый день.

В мире все сильнее пахло порохом, поэтому наша учеба усложнялась. Однажды в эскадрилью поступил приказ переучиться для полетов в ночных условиях. Первым, после Чогошвили, ночной полет был доверен мне.

— Не забывай об ориентировке, внимательно следи за показаниями приборов, — напутствовал меня командир.

Я согласно кивал головой, старался казаться спокойным. Но это только внешне. Ведь первый полет есть первый, как бы хорошо теоретически ты ни был подготовлен к нему.

...Звезды были всюду: вверху, внизу, перед самолетом и сзади него. Каждая из них казалась живым существом и как будто смеялась над моей растерянностью. Действительно, уже более минуты я не мог понять, в каком же положении

находится самолет. Мне казалось, что я лечу в центре огромного шара, густо усеянного звездами, вверх колесами и что кровь уже горячей волной приливает к голове, что привязные ремни больно врезаются в плечи.

Тряхнул головой, глянул на авиагоризонт. Что за чудо! Прибор показывал, что машина находится в режиме горизонтального полета.

И тут я словно проснулся, все стало на свои места. Оказалось, что я не заметил, как миновал береговую линию острова и теперь шел над морем. Было оно на редкость тихим, и водная гладь повторяла в себе звезды, отчего и рождалось представление о полете в шаре: граница неба и земли не просматривалась.

Ночные полеты стали ответственными экзаменами для всех летчиков эскадрильи. Задача эта решалась впервые, поэтому многое приходилось изучать сизнова.

...Воскресное утро выдалось тихим и прохладным. Выплывшее солнце скупо пробивалось сквозь белесую дымку. Над лугом завис жаворонок, и на землю доносилась его залихватая трель. Часа два-три сидел я с удочкой на берегу небольшого залива. Клев был плохой, и я решил вернуться домой. Когда подходил к городу, почувствовал что-то неладное: куда-то спешат офицеры, женщины перебегают от домика к домику, у штаба собралась большая толпа летчиков и техников. Все окрест дышало какой-то непонятной для меня тревогой, чем-то зловещим... Началась Великая Отечественная война.

БОЙ НА ВЕРТИКАЛЯХ

Находился я в тот день в составе дежурной пары. Поступил приказ перехватить и уничтожить разведчика «Хейнкель-111». Погода была облачная, и враг не сразу заметил меня. Заметил только после того, как буквально перед самым носом его машины разорвался пущенный мной реактивный снаряд.

Фашист открыл огонь. Я резко сманеврировал, набрал высоту и снова перешел в атаку. Пора! Рука нажимает кнопку пуска, и из-под крыла вырывается огненный смерч. Мимо! Новый поворот, пуск. И снова — мимо.

Противник яростно отстреливается и пытается нырнуть в облака. Я оказался в критическом положении: под крылом последний снаряд, на исходе горючее.

Во мне вспыхнула ярая ненависть к врагу. Увеличиваю обороты двигателя до предела. Снова прильнул к прицелу. «Хейнкель» стал медленно увеличиваться в размерах. Отсчитываю расстояние: «900... 70... 50...» Пора!

Огненный шар впивается в тело стервятника. Самолет, объятый пламенем, резко падает, разматывая за собой траурный шлейф...

Напористой была моя атака, но она оказалась бы эффективней, если бы сочеталась с высоким огневым мастерством.

Этот бой обстоятельно обсудили в эскадрилье. У нас установился такой порядок: после боевого вылета собираться и детально разбирать удачи и неудачи проведенной схватки. Такие разборы многому учили летчиков.

— Воюйте и настойчиво учитесь бить врага, таков приказ Верховного Главнокомандующего, — любил повторять наш командир полка.

В последних числах ноября 1941 года я получил приказ убить в город Мурманск.

...Однообразна и скупа природа Заполярья. Невысокие сопки, покрытые низкорослым северным лесом, топкие болота, частые озера. Кругом унылая непроходимая тундра, мох да камень. Даже землянки для летчиков и техников полка, который располагался в местечке Шонгуй под Мурманском, сооружены в камнях. Над головой бесконечное небо, вокруг — немереные дали.

Эскадрилья, которой мне довелось командовать, входила в состав 769-го истребительного авиационного полка 112-й истребительной авиадивизии. Мы выполняли задачу по прикрытию Мурманска и порта от авиации противника. Этот незамерзаю-

щий северный порт с самого начала войны играл важную роль в снабжении войск. Сюда шли конвои не только советских судов, но и из Америки и Великобритании.

Полярный день долог. Но, кажется, весь он, до единой секунды, наполнен ревом моторов, криком чаек, голосами людей, хлопками сигнальных ракет.

Истребители парами и по одному уходят в небо. Через тридцать-сорок минут, они так же парами и по одному, возвращаются. Воздушные схватки почти не прекращаются.

...Командира полка майора Петра Николаевича Елисеева я встретил около штаба. Внешне он мало выделяется среди окружающих. Среднего роста, сероглазый, с обветренным мужественным лицом, с волнистыми волосами.

— Товарищ майор, старший лейтенант Иванов прибыл в ваше распоряжение, — лихо доложил я.

— Что ж, нашего полку прибыло. Работенки у нас хватает, немец не скупится, подбрасывает, — улыбаясь, ответил он.

— Готов хоть сейчас в бой! — выпалил я.

— Придется подождать, — спокойно ответил командир. — Сначала на земле хорошенько познакомьтесь с летчиками и техниками эскадрильи, изучите по карте местность, над которой придется летать.

В полку по инициативе Елисеева установилось твердое правило: со стажем ты или молодой летчик — все равно обязан учиться военному делу ежедневно. Вот и повелось, не было здесь такого: то воевать, то отдыхать. Каждую свободную минуту использовали для учебы. А отдыхали между вылетами.

...Едва в небе растворилась зеленая ракета, аэродром ожил, словно встревоженный улей.

В пасмурное небо поднялась и наша эскадрилья.

Впереди показалась армада немецких самолетов. Сержант Василий Тишков выбрал лобастого Ме-109, нажал на кнопку пуска снарядов, и мгновенно пара огненных смерчей впилась в фашистского стервятника. Тот, разваливаясь в воздухе, камнем упал на землю.

Тишков резко набрал высоту, чтобы не столкнуться с обломками фашистского самолета, и тут в перекрестие его прицела попадает еще одна машина врага.

«Врешь, гад, не уйдешь!» — прохрипел Василий, со всей злостью нажимая на гашетку пулеметов. Свинцовые трассы пронзили кабину врага. Самолет моментально сорвался в штопор и упал на землю.

Отважный летчик снова бросил свой самолет вверх. В это время по корпусу машины, по ее мотору прокатилась дробь вражеской пулеметной очереди. Самолет стал терять управление. Два стервятника ринулись на него. Но заградительный свинцовый огонь моих пулеметов поджег машину одного фашиста сразу же, а второй, сделав левый крутой разворот, вышел из боя.

Уже на аэродроме обнаружили: у моей машины срезана лопасть винта, перебит тросик управления огнем пулеметов, фюзеляж почти пополам перерезан пулями, еле-еле держится.

— Удивляюсь, как вы смогли дотянуть до аэродрома, — вздыхал техник самолета, не зная, с чего начинать ремонт.

— Смог. Иначе не имел права...

Так дрались все летчики моей эскадрильи, о чем свидетельствует и следующий бой, который произошел на участке железной дороги Мурманск — Петрозаводск.

— Ваша задача всем наличием истребителей эскадрильи перехватить врага и предотвратить массированный удар по железной дороге, — заключил свой приказ командир полка.

Вскоре пять истребителей, все что у меня было, взмыли в воздух. Идем плотным строем. Едва набрали высоту, как заметили большую группу «юнкерсов». Их было около тридцати. Выше бомбардировщиков шли истребители. Я попытался определить их количество, но после двадцатого сбился со счета.

Фашистская армада черной тучей надвигалась на нас. Бомбардировщики упорно держали курс к Мурманску, а истребители стали обходить нас с двух сторон, намереваясь взять в клещи и с коротких дистанций расстрелять.

Главная задача — не дать бомбардировщикам сбросить бомбы.

— За мной! — командуя я и направляю машину на ведущего бомбардировщика, пропуская истребителей.

Стервятник резко отворачивает в сторону. Но пулеметная очередь успевает прошить его кабину. Выход из боя ведущего внес панику в ряды фашистов. Бомбардировщики стали беспорядочно рассыпаться в воздухе, а некоторые спешно сбрасывали бомбы и поворачивали назад.

Фашистские истребители бросились своим на выручку. В наушниках слышу голос комиссара эскадрильи Алексея Анохина:

— За Родину! За Волгу-матушку!

И вот он уже ведет бой с двумя стервятниками. Трассы пулеметных очередей секут воздух над его кабиной. Вот он, маневрируя, уходит из-под удара, круто разворачивается и сам атакует. Один из стервятников клюет носом, заваливается на бок и стремительно уходит за горизонт.

Второй фашист плеснул свинцом и попытался улизнуть на полной скорости, но его настиг огонь моего пулемета.

Яростный порыв мужества и отваги краснозвездных истребителей ошеломил врага. Бомбардировка важного объекта была сорвана: немцы повернули назад.

При тусклом свете мерцающих ракет почти с пустыми баками возвратилась наша эскадрилья на аэродром, но не было среди нас Алексея Анохина.

Много лет я прослужил в Советской Армии, немало встречал хороших политработников. Но больше всех запомнился и полюбился мне этот бывший рабочий из города Горького. Анохин обладал удивительным умением быстро сближаться с людьми, распознавать их сильные и слабые стороны, исподволь, не выказывая своих должностных прав, влиять на них. Его речь всегда была глубоко аргументированной.

Однажды после напряженного боя летчики и техники собрались в штабной землянке. И, как всегда, вспыхнул политбой.

— Американцы и англичане тянут резину с открытием второго фронта, а вроде бы друзья, — вздохнул кто-то в заднем ряду.

— Верно. Почему бы им не двинуть свои войска? — вступил в разговор авиатехник Владимир Абрамов.

В землянке стало тихо. Все ждали ответа комиссара.

— Мы стоим сейчас на земле, которая обильно полита кровью советских людей. Вспомните март 1919 года. В этом порту высаживались английские и французские войска, а затем к ним присоединилась американская морская пехота. Помните это?

Как всегда, Анохин говорил негромко, но твердо и уверенно:

— Вы знаете, что незванные пришельцы ликвидировали тут Советскую власть, вернули прежних хозяев и приступили к грабежу богатств этого края, к уничтожению людей. И теперь они не заинтересованы в полном разгроме фашизма. ИмперIALистам Америки и Великобритании важно устранить Германию и Японию, как опасных конкурентов в борьбе за мировой рынок. Поэтому они не будут спешить помогать нам в этой борьбе...

— Выходит, на бога надейся, а сам не плошай! — вставил кто-то.

— Только на себя, только на силу каждого из нас опирается партия в этой борьбе! — подхватил Анохин. — Надо беспощадно уничтожать врага. Бить его так, как наши лучшие летчики Заполярья Алексей Хлобыстов, Борис Сафонов, Захар Сорокин...

Мне нравился разговор политработника с людьми. Он задевал их за живое, окрылял. Не случайно мы тянулись к нему, прислушивались к его совету. Никто не хотел верить, что с комиссаром случилось несчастье. И точно: на второй день его нашли в сопках живым и невредимым. А самолет пострадал так, что восстановлению не подлежал.

В первую фронтовую новогоднюю ночь летчики эскадрильи собрались в моей землянке. По случаю Нового года ярко го-

рели две лампы-гильзы. Алексей Анохин с волнением читал сводку Совинформбюро об успешном разгроме врага под Москвой.

Трудно выразить словами радость, которую вызвало у нас это сообщение. Скажу только, что драться мы стали еще смелее и увереннее. В боях росло наше воинское мастерство, рос и счет сбитых вражеских самолетов.

Пушистыми снегами, трескучими морозами, злыми буранами отбушевала первая военная зима. Зазеленели поля, схлынули талые воды. А сражения в небе Родины продолжались.

Потерпев поражение под Москвой, фашисты усилили боевые действия на Севере. Немецкая авиация нацеливалась на уничтожение американских и английских судов, направляющихся с грузами для Советского Союза. Не оставляли они попыток ударами с воздуха сорвать или хотя бы дезорганизовать работу железнодорожного транспорта и морских портов Кольского полуострова.

...После успешного отражения одного из налетов эскадрилья взяла курс на свой аэродром. Зная коварство врага, я приказал двум летчикам внимательно наблюдать за облаками. На большой высоте прошли линию фронта. До аэродрома оставалось лететь минут десять. И тут сквозь седую дымку я заметил пару истребителей. Вдали просматривалась еще одна пара. «Наши», — почему-то решил я.

Сблизившись, понял, что ошибся: все четыре самолета оказались вражескими. Фашисты заметили меня раньше, чем я понял свою оплошность. Они быстро разошлись в стороны и попытались взять в клещи.

Кольцо сжималось. Сверху наседала вторая пара. Казалось, создалось безвыходное положение. Четыре против одного.

Выход нашелся. Я решил навязать противнику свою тактику. В то время, как они готовились к бою на горизонталях, я в деталях обдумывал бой на вертикалях. Сначала резко бросил машину вниз. Ближняя пара бросилась за мной. Разогнав скорость, вывел машину вверх и, перевернувшись

в верхней точке через крыло, оказался выше и несколько сзади преследователей.

Один из стервятников попал в мой прицел. Нажимаю гашетку. Короткая пулеметная очередь прошла фюзеляж вражеской машины.

Второй «мессер» попытался пристроиться мне в хвост, но я снова взмыл вверх и из выгодного положения расстрелял преследователя.

Вторая пара, побоявшись испытывать свою судьбу, уди- рала.

Обычно воздушный бой проходит на глазах у многих людей, но не часто бывает так, чтобы за ним наблюдали с земли твои товарищи. Громким «ура» встретили меня однополчане, когда я зарулил на стоянку.

Командир полка тепло поздравил с успехом и зачитал телеграмму командующего фронтом о том, что меня наградили орденом Красного Знамени.

...В народе говорят: ручьи сольются — река, люди соединятся — сила.

В 1973 году в городе Химки, на здании поликлиники, что на Ленинградском шоссе, была установлена мемориальная доска со следующей надписью: «Здесь в 1942 году был сформирован 910-й истребительный авиаполк особого назначения, на славном боевом пути от Сталинграда до Берлина получивший наименование 148-го гвардейского Краснознаменного ИАП особого назначения».

Под знаменем этого прославленного полка мне посчастливилось сражаться с первых дней его создания и до разгрома врага в его логове. Его питомцы сражались в небе Сталинграда, Курска, Минска, воевали над территорией Польши, Германии. Всего в воздушных боях полк уничтожил 138 фашистских самолетов в воздухе и 16 — на земле.

В сентябре 1942 года на аэродром под Москвой слетались лучшие советские асы для формирования нового истребительного полка ПВО особого назначения. Командный состав полка и летчиков отбирал сам командующий авиаци-

ей ПВО страны Герой Советского Союза генерал-майор А. Осипенко. Он беседовал с каждым. Пропуском в этот полк являлся боевой счет: не менее пяти лично сбитых вражеских самолетов.

Беседуя со мной, генерал подробно интересовался моей боевой биографией:

— Давно на фронте?

— С первого дня. В воздушных боях сбил девять вражеских самолетов.

— Молодец! — сказал генерал и, обернувшись к командиру полка, добавил: — Запишите его командиром второй эскадрильи.

В октябре мы перебазировались в другой район. Задача предельно ясная: прикрывать участок железной дороги от станции Эльтон до станции Джанибек, по которому непрерывно направлялось подкрепление на Сталинградский фронт.

Довольно часто летчикам приходилось барражировать в небе Сталинграда, сопровождать группы бомбардировщиков или штурмовиков, вылетать наперехват фашистским стервятникам.

Несмотря на суровую зиму, мы, фактически, не покидали свои самолеты. Даже короткие минуты отдыха проводили под плоскостями машин. Спали в палатках, на самолетных чехах, одежды не снимали. Приходилось подчас по пять-шесть раз в день подниматься в воздух.

Все сильнее сжималось стальное кольцо советских войск под Сталинградом, но у врага имелось еще несколько аэродромов, с которых днем и ночью взлетали фашистские самолеты, подбрасывая подкрепление, вооружение.

Для борьбы с транспортной авиацией противника привлекались и войска ПВО, в частности наш истребительный полк.

Однажды после выполнения такого задания я возвращался домой. В районе станции Иловлинская увидел четырехмоторный «Фокке-Вульф-200», который летел несколько ниже меня. Горючего в баках оставалось мало, но упустить такой момент я считал преступлением.

Боевой разворот, набор высоты и — открываю огонь длинными очередями, вначале по стрелкам, а затем по моторам. Один из летных двигателей задымился, но самолет продолжал полет, даже не пытаясь изменить курса.

Новый разворот для повторной атаки. Прицеливаюсь, даю длинную очередь по турелям — и стрелки замолчали. Но стервятник продолжает полет.

На помощь подоспели капитан Н. Козлов и старший лейтенант Б. Ивлев. Козлов поднялся выше и прикрывал нас от возможной атаки вражеских истребителей, а мы с Ивлевым снова атаковали фашиста. Эта атака оказалась для него роковой...

Вражеский самолет упал в районе деревни Бенцы, похоронив под своими обломками несколько десятков офицеров, которые пытались воздушным путем вырваться из окружения.

В небе Сталинграда летчики эскадрильи сбили более десятка вражеских самолетов. После ликвидации сталинградской группировки наш полк получил задачу — оборонять коммуникации в районе Курска.

Здесь фашистская авиация пополнилась новыми самолетами «Хейнкель-129» и «Фокке-Вульф-190», имевшими повышенную скорость, маневренность, плотность огня.

Особенно упорные и тяжелые бои пришлось нам вести с конца марта и по август 1943 года. Как правило, дрались со значительно превосходящим нас в количественном отношении противником.

Однажды майским утром капитан С. Коблов, старший лейтенант В. Калачев, лейтенанты И. Власов и А. Елдышев вблизи станции Черемисиново встретили двадцать Ю-87, летевших в сопровождении десяти «Фокке-Вульфов-190». Возглавлявший группу Сергей Коблов дал сигнал атаковать. Сам командир проскочил вверх, устремился в лобовую атаку на «фоккеля» и почти в упор расстрелял его. А рядом вел борьбу с двумя истребителями лейтенант Власов. Поймав одного в прицел, прошил его свинцовой очередью. Второй не стал ждать такой же участи — развернулся и поспешил удалиться.

Потеряв несколько бомбардировщиков и четыре истребителя, враг ретировался.

День подходил к концу, когда на КП вызвал меня командир полка подполковник А. Терешкин:

— Подберите несколько опытных летчиков — будете сопровождать группу штурмовиков.

Опыт боевых действий совместно со штурмовиками я имел. При защите Мурманска не раз доводилось вылетать для блокировки наземных сил противника. Волновал вопрос: с кем лететь?

Выбора особого у меня не было — оставались я и лейтенант Николай Пасюк, остальные — кто в небе, а кто только что произвел посадку. В паре с лейтенантом Н. Пасюком поднимаюсь в воздух.

Штурмовики уже подходили к цели, когда вдруг появились четыре ФВ-190. Наша стремительная атака заставила их уйти в сторону. Однако враги, перестроившись, решили разделиться вначале с парой истребителей.

Фашисты попытались зажать нас с двух сторон, но мы вышли из-под огня и завязали бой, дав возможность штурмовикам «проутюжить» колонну немецких танков и автомашин, скопившихся на дороге.

Меня атакует сзади фашистский истребитель. Решаюсь на свой «коронный прием» — двухэтажный боевой разворот. Увеличиваю скорость до предела, резко поднимаю истребитель вверх. Перегрузка возрастает, руки и ноги наливаются свинцовой тяжестью. Перевернувшись в верхней точке, перевожу самолет в пики. Враг значительно ниже и пытается уйти, но моя очередь настигает его...

Второй стервятник решил подняться вверх. Но заградительный огонь пулемета лейтенанта Пасюка прошел через фюзеляж немецкого самолета, который вспыхнул ярким факелом, а летчик выпрыгнул с парашютом.

Он висел в каких-то тридцати метрах от моей машины. Я видел его холеное, искаженное страхом лицо. Видимо, ждал, что вот-вот я доверну машину и начну расстреливать его в

воздухе, как это делали они. В моей груди кипела яростная ненависть к фашистам. Я дрался с врагом не на живот, а на смерть, и все-таки я в тот момент не унизился до нападения на безоружного человека, хотя бы и принесшего много зла советским людям. С неприятелем надо биться с достоинством и честью, как велит военная присяга.

Фашист провожал меня испуганным взглядом, а мое внимание уже привлекли самолеты, которые пытались подняться с вражеского аэродрома. Резко перевожу истребитель в пики. Свинцовая трасса прошивает оба самолета, один сразу же вспыхнул, другой свернул с взлетно-посадочной полосы, врезался в насыпной бруствер и взорвался.

Подлинными мастерами воздушного боя в небе Курска показали себя летчики Н. Козлов, А. Елдышев, С. Коблов, П. Шавурин. Они были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Многие летчики были удостоены правительственных наград. Я был награжден вторым орденом Красного Знамени.

«За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава, — говорилось в приказе народного комиссара обороны № 299 от 9 октября 1943 года, — преобразовать 910-й истребительный авиационный полк в 148-й гвардейский истребительный авиационный полк особого назначения».

В СОЗВЕЗДИИ БРАТСТВА

С полевого аэродрома, на котором расположилась наша эскадрилья, постоянно доносился гул. Бои шли тяжелые: днем и ночью враг рвался к Киеву и переправам.

...Короткий разбег — и самолеты, легко отрываясь от земли, тут же растворяются в темно-фиолетовой дымке вечернего неба. Нашей эскадрилье предстояло во взаимодействии с зенитчиками не допустить бомбежки Киева и переправ через Днепр.

Поднявшись на три тысячи метров, я вдруг заметил, что на хвосте моего самолета «сидит» фашист. Чувствую: вот-вот откроет огонь. Резко убираю газ, перевожу машину в пике. Это самый верный маневр, чтобы уйти из-под удара. В то же мгновение свинцовые трассы проносятся мимо, а вслед за ними проскочил и «мессер». Устремляюсь за ним. Три прожекторных луча поймали немецкий самолет, но враг резким маневром вырывается из ловушки, и теперь моя машина на какое-то мгновение оказалась освещенной. Этого было достаточно, чтобы гитлеровец открыл прицельный огонь. Самолет тряхнуло, но мотор работает, скорость не снижается. Добавляю газ, бросаю машину вверх. Прожектор вновь осветил противника, и я не упустил момента. Вскоре на окраине города, в темноту, выплеснулось пламя.

Однако и мой самолет оказался серьезно поврежденным: горячий воздух и пар наполнили кабину, дышать трудно. Понял: пробит радиатор. Вот-вот мотор заклинит. Докладываю на командный пункт. В наушниках слышится приказ командира: «Покинуть самолет!»

Легко сказать — покинуть! Таких самолетов, как Як-3, у нас в полку по пальцам пересчитать можно, а тут потерять машину почти над своим аэродромом?! Сбросил газ, увеличил угол снижения, а когда до земли осталось тысяча метров, выключил мотор. Посадку произвел нормально.

Приведу еще пример из личной боевой практики в небе Украины. Рано утром небо раскололи две зеленые ракеты. Это означало: вторая эскадрилья — на вылет. Самолеты взмыли в небо и легли на заданный курс. Бросаю взгляд на приборы — машина в исправности, высота более трех тысяч метров.

— Внимание! — послышался в наушниках голос командира полка. — Впереди истребители противника.

Едва заметные вначале точки быстро вырастали в размерах. И вот уже отчетливо видны двенадцать Ме-109. Я, не раздумывая, пошел в лобовую атаку на ведущего. Немец не сворачивал. Он, вероятно, ждал, когда я отверну, чтобы вон-

зять смертельный свинец в борт моей машины. Но враг просчитался. Наступил миг, когда бессильны пулемет и пушка. Ты идешь на таран. Задыхаясь от предстоящей схватки, рванул ворот гимнастерки. Стало легче, ясно работает сознание, противник с каждым мгновением все ближе...

Нервы у врага сдают. Он резко уводит машину влево. В это мгновение изо всех сил нажимаю на гашетку. Пулеметная очередь прошивает стервятника вдоль всего фюзеляжа. Он заваливается на крыло и падает на землю.

Когда я рассказываю об этом бое моим юным друзьям — пионерам, они спрашивают:

— Страшно, когда вот так, лоб в лоб с врагом?

Может, и страшно, если трусом смотришь в глаза врагу и ждешь, на каком витке настигнет тебя смерть.

В народе говорят: «Смерть идет к тому, кто ее ждет». Вступая в бой, я не думал о смерти, некогда было. Все внимание сосредоточивалось на том, как лучше выполнить приказ и победить врага.

Иногда можно прочитать или услышать, что нам, фронтовикам, в бою было не жалко и жизни, дескать, мы не страшились, но ведь нормальному человеку свойствен страх. Просто, вступая в бой, не думаешь о нем. Главное — найти в себе силу воли, умело выполнить приказ и победить врага.

В ожесточенных схватках с врагом за честь и свободу Родины легчики полка умели не только храбро драться, но и с честью умирать.

Герой Советского Союза лейтенант Анатолий Алексеевич Елдышев на митинге перед боем сказал:

— Нам предстоит нелегкая схватка с врагом в огненном небе Отчизны. Но не о ней я думаю. Меня зовет заря Победы, которая уже встает над нашей любимой Родиной. Если придется, я жизни не пожалею ради этой зари...

Через несколько минут он смело вступил в схватку с двенадцатью фашистами. Выбрав цель, бросил истребитель в атаку. Казалось, еще две-три секунды, и врежется в машину противника. Фашист скользнул в сторону, и Елдышев проско-

чил мимо, но тут же, почти отвесно, с полупереворота, молнией понесся вниз, на другого стервятника. Меткая очередь — «хейнкель» обволакивается дымом и пламенем.

Елдышев снова бросает самолет вверх. Вдруг сильный удар потряс истребитель, мотор заглох. Уже у самой земли пилоту удалось выровнять машину и посадить на фюзеляж в поле.

К самолету со всех сторон побежали немцы. Укрывшись за фюзеляжем, Елдышев отстреливался из пистолета, уничтожил пять фрицев, но длинная автоматная очередь прервала его жизнь.

Как и тысячи героев битвы за Днепр, за родную советскую землю, будет жить в веках отважный защитник советского неба летчик-истребитель гвардии старший лейтенант Анатолий Алексеевич Елдышев.

В начале марта 1944 года поступил приказ: нашему полку перебазироваться под город Сарны с задачей прикрывать от бомбовых ударов железнодорожный узел, а также прилегающие к нему участки дорог Сарны — Коростень, Сарны — Ровно, Сарны — Ковель.

Погода испортилась. Окрестности окутались седым туманом. Тяжелые тучи ранней весны нависли над землей. Аэродром совершенно раскис. Посадку с большим трудом произвели, а о взлете и думать не приходилось.

Буквально через час после приземления последнего самолета состоялось партийное собрание полка. Решили: коммунистам не уходить со взлетно-посадочной полосы, пока она не будет готова к боевой работе.

Решение собрания коммунисты выполнили: к утру следующего дня обеспечили выполнение партийного задания. Как ни странно, в числе первых испытали полосу вражеские самолеты. А произошло это так.

17 марта старшие лейтенанты К. Федоров и А. Белый, выполняя боевое задание, «привели» на свой аэродром фашистский самолет. Пленный летчик рассказал, что в ближайшие дни готовится массированный налет на Сарны.

Незамедлительно были приняты меры: командирами звеньев и ведущими пар назначены умелые, опытные воздушные бойцы — капитаны В. Иванов, П. Шавурин, Н. Часнык... Мне было приказано руководить полетами и боем полка с командного пункта. Я попытался возразить, самому хотелось в схватку, но получил отказ.

...20 бомбардировщиков без прикрытия, среди бела дня, в плотном строю, словно на параде, приближались к городу. В воздух вначале поднялось двенадцать наших истребителей во главе с командиром полка. Ударную группу возглавил капитан В. Иванов, группу прикрытия — капитан Н. Часнык.

Но обе группы, не обнаружив истребителей, атаковали бомбардировщиков. Первой же очередью Иванов поджег ведущего. Вслед за ведущим пошли к земле еще три бомбардировщика. Строй вражеских машин нарушился.

Через час-полтора на горизонте появилась вторая группа бомбардировщиков, на этот раз шедшая уже под прикрытием двадцати истребителей. В воздух поднялись три пары истребителей, возглавляемых капитанами В. Ивановым, Н. Часныком, Е. Трофимовым.

Неожиданно капитан В. Иванов и его ведомый выполнили маневр — стали отклоняться влево от курса бомбардировщиков, с набором высоты — в расчете, что за ними погонятся немецкие истребители.

Так и случилось. Половина истребителей врага бросились преследовать наших в надежде быстро расправиться с ними. В тот момент, когда один из стервятников готов уже был открыть огонь, Иванов резко бросил самолет вниз. Враг проскочил над ним. Иванов, оказавшись у противника в хвосте, открыл огонь. Маневр повторил ведомый.

Тем временем четверка наших истребителей вела бой с бомбардировщиками. Два из них уже дымились на земле. Полыхало и несколько истребителей врага.

В тот день гвардейцы сбили 21 самолет противника, не потеряв ни одного своего. Всего при обороне города Сарны летчики полка уничтожили 39 вражеских самолетов.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили героические подвиги воинов полка.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1944 года говорится: «За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Красного Знамени 148-й гвардейский истребительный авиационный полк особого назначения».

Почти весь личный состав полка был отмечен наградами Родины, а наиболее отличившимся летчикам В. П. Иванову, Е. Ф. Трофимову, Н. Д. Часныку Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Три года гитлеровцы грабили и разрушали города и села Белоруссии. Особенно сильно пострадал Минск. Редкий дом остался нетронутым, почти все промышленные предприятия были разрушены.

Мы прибыли в Минск на четвертый день после его освобождения. В тот же день на аэродроме состоялся митинг. На нем присутствовало много местных жителей. Один из них выступил с энергичным призывом, перефразировав известные строки Владимира Маяковского:

— Разговаривай с фашистами словами пуль, островами штыков!

Он не успел закончить свое выступление, как в небе появился фашистский разведчик. Моментально «заговорили» наши зенитки. Мы подняли головы вверх и увидели, как вражеский самолет, объятый пламенем, летит к земле. Дымный след черной дугой опоясал небо. Мы радостно громыкнули «ура», и солнечный июльский день стал для каждого из нас еще более ярким.

Сейчас, спустя столько лет, этот будничный факт фронтовой жизни вовсе не кажется мне простым совпадением. Он приобрел для меня глубоко символический смысл: весь ход борьбы с фашизмом был выполнением наказа поэта. Советские войны «разговаривали» с врагом именно так, как при-

зывал Маяковский, — «словами пуль», фразами-очередями зенитных установок, мощным басом орудий!

Бывали дни, когда советские летчики три-четыре раза поднимались в воздух по боевой тревоге, преграждая путь врагу. Но чаще истребители поднимались для сопровождения наших бомбардировщиков, которые вылетали на боевые задания по уничтожению противника и назад возвращались, как правило, без боеприпасов, при минимуме горючего в баках. При таком положении бомбардировщики были небоеспособны, а поэтому охранялись нашими истребителями, которым нередко приходилось отражать жестокие налеты вражеской авиации.

С командного пункта взвилась красная ракета — сигнал «Воздух!».

На перехват вылетела эскадрилья, возглавляемая капитаном В. Ивановым. Облака прижали наши самолеты к вершинам сосен. В серой дымке показались вражеские бомбардировщики, летевшие в сторону Минска. Сопровождения не было.

По команде Иванова истребители атаковали врага. Строй неприятеля рассыпался, но наши продолжали атаки. Драться на малой высоте очень трудно. Истребителям нужна высота. Когда истребитель сверху падает соколом на вражеский самолет, он почти всегда добивается победы.

В неравной схватке лейтенант Круглов очутился лицом к лицу с тремя стервятниками. С ходу он поджег одного из них. Врагу все же удалось сбить пламя, и он скрылся за горизонтом. Через несколько секунд Круглов бросил свою машину на другой фашистский самолет. Однако не успел он выполнить боевой разворот, как две свинцовые трассы одновременно пронзили мотор и кабину советской машины.

Последние слова, что довелось услышать мне на командном пункте: «...Одного поджег. Самолет неуправляем... иду...»

Наблюдательные посты видели, как советский истребитель то шел отвесно, то переходил на круг. Видно было, что лет-

чик тяжело ранен, но пытается дотянуть до своего аэродрома.

Все же израненная машина не дотянула до аэродрома и врезалась в возвышенность на самом краю пшеничного поля...

Рано утром меня разбудил резкий стук в окно.

— Вас срочно к командиру, — сообщил посыльный из штаба.

«В чем дело?» — гадал я. Перебрал в памяти все события прошедшего дня, вспомнил планы на сегодняшний день (я уже был заместителем командира полка по летной части). И, вроде бы, ничего не могло вызывать тревоги командира.

— Поздравляю, Степан Гаврилович! — командир широко распахнул руки, направляясь навстречу мне. — Вам присвоено звание Героя Советского Союза. Завтра обязаны быть в Кремле.

Прием в Кремле. Михаил Иванович Калинин подходит к каждому, получившему звание, прикрепляет к мундиру орден Ленина и Золотую Звезду.

— Поздравляю с высокой правительственной наградой, желаю новых успехов в борьбе с врагом.

И хотя Михаил Иванович всем говорит одну и ту же фразу, мне казалось, что в эти слова он вносил какую-то особую интонацию, предназначенную только тебе.

Очень много хотелось сказать. Но я волновался и произнес лишь: «Служу Советскому Союзу!»

НЕИЗРАСХОДОВАННЫЙ БОЕКОМПЛЕКТ

Грохотали бои, откатываясь все дальше и дальше от родной земли. В ходе успешно проведенной Львовско-Сандомирской операции была полностью освобождена Польша. Среди советских частей, освобождавших польский народ от фашистской чумы, был и 148-й гвардейский Краснознаменный истребительный авиационный полк особого назначения.

Народы Европы доброжелательно встречали нас. Они ви-

дели в Советской Армии единственную силу, способную разгромить фашистские полчища и спасти жизнь на земле. Их лучшие сыны вливались в борьбу с фашизмом.

Эта борьба слилась с борьбой народов всех непокорившихся фашизму стран, вселила в людей надежду на окончательную и бесповоротную победу. Но продвижение к логову фашизма давалось нелегкой ценой.

В середине апреля 1945 года наш полк был переброшен на аэродром Запциг вблизи города Кюстрин для прикрытия советских войск и охраны переправ через Одер.

Как правило, наши войска пытались форсировать Одер с ходу. Но противник из дотов простреливал каждый метр реки и особенно сковывал районы переправы с воздуха.

Летчикам полка не раз приходилось вступать в бой с вражеской авиацией. Однажды капитан Е. Трофимов в паре с молодым пилотом вылетел в район ближайшей переправы для прикрытия наших войск с воздуха. Прибыв в указанный район, Трофимов и его напарник стали барражировать. Не прошло и минуты, как на горизонте появилось пять вражеских бомбардировщиков, рядом шныряло до десятка истребителей. Силы неравные. Дело осложнялось еще и тем, что советские самолеты очутились над позициями зенитных батарей врага.

Положение стало критическим. Высокое мастерство, инициатива и военная сметка выручили гвардейцев. Евгений Трофимов, а вслед за ним и его ведомый, бросили свои машины вверх. И оказались выше вражеских бомбардировщиков.

Зенитная артиллерия гитлеровцев умолкла, дабы не попасть в свои самолеты. Нашим истребителям с выгодной позиции удалось подбить один бомбардировщик, остальные же повернули восвояси, не выполнив задачи.

А однажды меня вызвал командир полка и сказал:

— Погода сложная, а на дороге Кюстрин — Берлин скопилось много наших войск. Есть сведения, что в этот район наведывался немецкий разведчик. Вылетай в зону и барражируй, пока хватит бензина.

В воздух я поднялся с ведомым старшим лейтенантом

Борисом Бочковым. Молодой пилот прибыл в нашу часть, когда мы стояли под Минском. С первых дней зарекомендовал себя способным и смелым летчиком. Видел дальше всех и раньше всех. И стрелял метко. На его боевом счету за короткое время было два сбитых самолета.

...Уже четверть часа находились мы в воздухе. Шли на малой высоте из-за низкой облачности, ограничивающей видимость. Впереди замаячила окраина Берлина. Всякий раз, когда я подлетал к нему, очень хотелось увидеть рейхстаг. На этот раз мне повезло: я отыскал его темно-серую макушку. Так и подмывало нажать гашетки и «прошить» пушечно-пулеметным огнем серый «колпак» фашистской обители. Но тут же подавил это желание. Надо было в точности выполнить приказ командира.

И в тот момент, когда я меньше всего мог ждать врага, небосклон перед самым носом истребителя расцвел шапками разрывов зенитных снарядов, трассами пулеметных очередей.

Применил противозенитный маневр: резко поднял истребитель вверх. Бочков последовал моему примеру. Миновав зону зенитного огня, мы снова прижались к земле. И тут я заметил, как вдоль шоссе «крадется» Me-109.

— Атакуй, я прикрою! — скомандовал Бочкову.

Борис атаковал раз, затем второй. Противник попался опытный. Он умело уходил от удара.

— Да кончай же с ним! — не скрывая досады, громко крикнул я.

Бочков выполнил боевой разворот и почти отвесно пошел на врага.

Стервятник не ожидал такой дерзости, резко бросил самолет вниз, но, не рассчитав, зацепил крылом макушку сосны. В следующую секунду раздался взрыв на обочине шоссе, и черное облако земли и дыма взметнулось вверх.

Мы возвращались на аэродром. Не думалось и не гадалось, что это был мой последний боевой вылет, из которого я возвращался с неизрасходованным боекомплектom. Но ведь так и надо. За это дрались! За это прошли пол-Европы!

В мае 1945 года группа наших летчиков и техников побывала у рейхстага и оставила свои автографы на его стенах.

* * *

Закончилась война. Многие прославленные летчики-гвардейцы, мои боевые товарищи, продолжали служить в рядах Советской Армии, передавая свой боевой опыт молодому поколению воинов противовоздушной обороны.

Что сказать о себе?

После войны командовал полком. Закончил авиационную академию имени Ю. А. Гагарина.

За умелое обучение и воспитание летного состава я в 1954 году был награжден вторым орденом Ленина.

До самых последних дней своей службы в армии я старался трудиться на своем ратном поприще так, как велит присяга, а после увольнения в 1960 году в запас главным своим долгом коммуниста считал участие в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

ВЛАДИСЛАВ ИВАНОВИЧ ШИХОВ. В годы Великой Отечественной войны закончил Львовское военно-пехотное училище. Командовал взводом пулеметчиков. Боевое крещение принял на Курской дуге. Воевал на Белорусском и Украинском фронтах. День Победы встретил в Чехословакии. Награжден двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. После увольнения в запас находился на партийной, профсоюзной и журналистской работе. В настоящее время — на заслуженном отдыхе. Живет в селе Юрла Коми-Пермяцкого автономного округа.

МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ
ПРОШАГАЛИ

МОЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Это произошло в апреле сорок третьего, севернее станции Поньри, у железной дороги на Орел. Роте, в которой я был взводным, предстояло штурмовать высоту. Свою высоту, сутки назад захваченную немцами. Командир 1021-го стрелкового полка 307-й стрелковой дивизии подполковник П. Ф. Горбунов, посоветовавшись с нашим комбатом капитаном Сукосяном, решил придать роте три танка и наш пулеметный взвод, чтобы поддержать наступление массированным огнем.

На исходные позиции танков и пулеметного взвода прибыл командир пулеметной роты старший лейтенант З. Зейналов, кругленький, с Красной Звездой на груди, и отдал распоряжение:

— Одному расчету идти в распоряжение штурмующей роты пешком и нести пулемет в разобранном виде. Остальным отделениям сесть на танки, туда же забросить «максимы» в собранном виде и расположиться сзади башен.

Стоят солдаты мои, слушают. Они навьючены нужной и ненужной для скоротечного боя амуницией и снаряжением. На каждом защитная каска, шинельная скатка через плечо, вещевой мешок, сумка с противогазом сбоку болтается, карабин или автомат. А на ремне... Чего только нет на ремне! Малая саперная лопатка — предмет первой необходимости,

патронташ или сумка с автоматным диском, фляжка с питьевой водой, сумка с гранатами... У тех, что пошли на сближение с противником пешим порядком, еще и «тело» пулемета, станок с колесами, тяжеленный щит и коробки с лентами.

Заурчали укрывшиеся за кустами танки. Мы поспешили к ним на посадку. Уцепились руками, кто за что смог. Танки резко тронулись, словно проверяя, как основательно мы уселись.

Я моложе своих солдат. Мне только девятнадцать. Сын колхозного пахаря. Волнуюсь. От ожидания предстоящего испытания ползет по спине холодок. Как бы солдаты не заметили, что трушу. Надо отвернуться, глаза от них спрятать. Что же это я? Так рвался в бой и вдруг...

В последние дни учебы во Львовском пехотном училище, эвакуированном в Киров, я получил от матери письмо. Она сообщила, что отец, который тоже был на фронте и служил артиллеристом-наводчиком, 22 декабря 1942 года после тяжелого ранения умер в госпитале в станице Слащевская Сталинградской области и похоронен там на сельском кладбище.

За своего отца Ивана Васильевича хотелось жестоко отомстить врагу, а у самого при виде взрывов снарядов, при ударах по танкам болванок, которые ricochetят от их брони, усиливалась в теле дрожь.

Хорошо танкистам, они — там, за броней! А мы... железные, что ли? Скорей бы прыгнуть, приземлиться...

А вот и цепи стрелковой роты. Лежат солдаты, ждут нашей подмоги. До немцев — рукой подать. Один прыжок — и в их окопах.

Танк на секунду остановился. Мы прыгнули с него. Стащили «станкачи». Расчет отбежал в сторону, изготовился к стрельбе и открыл огонь по противнику.

Увидев нас, поднялась стрелковая рота и с криком «ура» двинулась на противника. Поддали газу танкисты и на предельной скорости — к окопам врага.

А я к танку как привязан. Боюсь отстать, лишиться его прикрытия. Бегу и слева вижу: из одиночного окопчика из ручного пулемета ведет прицельный огонь фашист.

Хватаюсь за автомат. Останавливаюсь. Прицеливаюсь. Даю короткую очередь — и противника нет: осел, как пустой мешок, в свой окопчик...

А стрелки штурмующей роты уже бросают гранаты в окопы врага, перепрыгивают через них, бегут дальше.

Немцы отступают организованно, без паники, короткими перебежками, отстреливаясь. Часть солдат стрелковой роты очищают от фашистов траншею. Там рвутся гранаты, звенят саперные лопатки при ударах по каскам фашистов, трещат короткие автоматные очереди.

На ходу изучаю местность, ищу глазами дзоты с намерением расположить в них наши пулеметы. А по траншее уже идут замкомбата капитан Григорашвили и командир нашей пулеметной роты Зейналов. Подходят ко мне. Зейналов крепко жмет мне руку и, улыбаясь, говорит:

— Молодец, младший лейтенант. Боевое крещение выдержал, однако впредь своего взвода не бросай. Находишь сзади пулеметных расчетов, руководи ими в бою...

Чувствую: лицо мое вспыхнуло от стыда, от его справедливых упреков. «Они увидели, заметили, что я боялся», — пронеслось у меня в голове, а Зейналов, как ни в чем не бывало, продолжал улыбаться и трести мою руку:

— Землянку подыщи для ночлега. Лишние вещи пусть сбросят с себя солдаты.

Землянку чего искать — вон она совсем близко. Подбегаю к ней... Но что это? Из землянки слышится просьба о помощи. Причем на русском языке. Ах, вот в чем дело: траншея обвалилась, дверь землей присыпало.

Наши пулеметчики около часу лопатами выгребали землю, прежде чем освободили троих пехотинцев из этого плена. Оказалось, двери засыпало, когда еще немцы высоту брали. Просидели солдаты замурованными более суток. Все мы удивлялись, как враги их не обнаружили.

По приказу комбата ночью стали укреплять оборону. На высоту выдвинули по взводу минометчиков, пэтээровцев, несколько пушек-«сорокапятков». Вымещая злобу за поражение, враг в час ночи нанес по нам мощный артурдар, но в атаку не пошел.

С утра наступившего дня я занялся составлением схемы огневой связи со стрелковой ротой и приданными ей подразделениями, но закончить эту работу не успел: фашисты обрушили на нас ураганный огонь тяжелых орудий и шестиствольных минометов-«скрипачей». А когда артналет кончился, мы увидели надвигающиеся на нас танки... И опять у солдат лица посерели, на скулах вздулись желваки...

— По смотровым щелям танков прицельно, короткими очередями, огонь! — команду я, памятуя наказ преподавателей училища, которые советовали в таких случаях ослеплять танки, забивать их смотровые щели свинцом...

Но куда там — фашисты прут! Заметили наш пулемет, ударили из пушки. «Станкач» — вдребезги! Наводчика убило наповал.

— Гранаты к бою!

— Гранаты к бо-о-ою! — дублируют солдаты мою команду по окопам.

Вижу взмахи рук, летящие в сторону врага противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью... Один танк загорелся, потом как ухнет, разбрасывая огонь в разные стороны. Другой танк добрался до нас и начал «утюжить» траншею. Враги уже галдят где-то поблизости. Стрелковый взвод выскакивает из траншеи с винтовками и автоматами наперевес, с криком «ура» бежит навстречу врагу. Я кидаю бутылку, она разбивается о сталь, маслянистая жидкость разливается по танку и воспламеняется... Тошнит от порохового дыма и угара... Голова кружится...

Атака отбита, но в нашем взводе осталось исправных только два пулемета, а солдат — десять. Четверо убиты и шестеро ранены. Перевязываем их, отправляем в тыл, в санроту.

В этом бою погиб мой земляк из деревни Малое Востре-

жание командир взвода лейтенант Леонид Платонов. «Как я сообщу об этом его родителям?» — напряженно думаю я про себя.

Вечером в расположение роты прибыл комбат капитан Сукосян с начальником штаба капитаном Мельтальяном. Была дана команда оборудовать наблюдательный пункт батальона здесь, на этой высоте, все винтовки у солдат заменить на автоматы, доставить для роты топоры и сотню лопат. Обращаясь к нам, Сукосян сказал:

— Зарывайтесь в землю как можно глубже. Так будет надежней.

И началась утомительная землеройная работа, продолжавшаяся более двух месяцев. Рыли окопы, ходы сообщений, строили землянки, блиндажи, дзоты, настилали из бревен перекрытия над траншеями.

Даже самодельную зенитную установку соорудили: уж больно нас немецкие самолеты донимали. То листовки сбросят с предложением сдаться в плен, то «рама» нависнет над нашими позициями и корректирует огонь своих дальнобойных орудий. Вот и решили мы тогда расширить в одном месте траншею, вкопать полутораметровый столб, вбить в его торец шкворень, надеть на него тележное колесо, а на него поставить «максима» вместо зенитного пулемета. Дашь длинную очередь трассирующими пулями — смотришь, вражеский самолет и улетит...

Побывал в окопах нашей роты командир 307-й стрелковой дивизии генерал М. А. Еньшин, прославившийся еще в боях под Сталинградом. Похвалил нас, однако посоветовал зарываться еще основательней.

И снова мы зарывались. Когда 5 июля началась великая битва на Курской дуге, для противника мы были почти неуязвимы.

Поздно вечером 4 июля прибегает к нам ротный и говорит, что завтра рано утром фашисты пойдут в наступление. Наши «языка» поймали, он сообщил, что у них новые танки есть, какие-то «тигры», да штурмовые орудия «фердинанды».

В ту ночь никто не спал: готовили оружие к бою, запасались боеприпасами. Справа, над селом Архангельское, занималась заря. Со стороны Понырей ударили «катюши». Небо прочертили снаряды: одна волна за другой. Заговорила дальнобойная артиллерия. Земля задрожала, словно под ударами огромного молота.

Смотрим в амбразуру дзота в сторону врага. Над его расположением дым клубится сплошной чернотой, сквозь которую едва просматриваются огни пожарищ. Стройными рядами над нами пролетают краснозвездные бомбардировщики в сопровождении истребителей.

Но вот гул сменился тишиной. В чем дело?

Вдруг выстрелы орудий раздались с немецкой стороны. Над нами закружились вражеские самолеты. Стали сотрясать нашу высоту разрывы бомб и снарядов. Земля под ногами задрожала и закачалась. Со стороны противника послышался гул танков: рокот двигателей и лязг гусениц. Наши «сорокапятки» и 76-миллиметровые орудия открывают огонь. Снаряды рикошетят от лобовой брони «тигров»...

А вот и фашисты в зеленых мундирах с засученными рукавами и автоматами «шмайссер» на животах. Справа и слева от нас команды: огонь! огонь! огонь!

Со всех сторон огонь из всех видов оружия. Заливаются длинными очередями наши «максимы». Какой-то солдат стрельбой из пулемета выбивает чечетку: тра-тра... тра-та-та... Похоже, чечетка его подбадривает, вселяет уверенность в надежность вверенного ему оружия, уверенность в своих силах... Да и не только ему, а, может быть, и другим, кто эту дробь слышит...

Между тем, положение складывается тяжелее: в стыке между стрелковыми взводами группа фашистов просочилась в нашу траншею и стала быстро продвигаться по ней, выбивать наших. Этому способствовало наличие у них гранатометов. Да и ручные гранаты у них с удлиненными деревянными ручками, что позволяло им кидать их дальше, чем могли мы кинуть свои РГД и Ф-1.

Что делать, как быть? Надо срочно принимать меры, а какие? Помогла находчивость командира пулеметного расчета сержанта Супрунова:

— Товарищ младший лейтенант, надо впереди нас сделать завал траншеи. Это вынудит их для захвата наших траншей выползать наружу, под наш пулеметный огонь!

— Верно, сержант! Так и сделаем! А ты будешь держать завал под своим пулеметным прицелом.

Когда задуманное осуществили, продвижение фрицев по нашей траншее прекратилось.

Вечерело. Через свинцовую метель, через тучи пыли и гари едва пробивались последние лучи заходящего солнца. По всему западному небосклону пылала заря. Груды обломков авиационной техники, разорванные снарядами танки, искореженные и обезображенные машины громоздились по окрестности.

Ржаное поле, лежащее впереди, горело сплошным огнем от залпов наших «катюш». Вместе с высокой дикой травой незасеянного поля огонь пожирал цепи немецкой пехоты, колонны самоходок с танками и другую технику, под которой лежала истерзанная курская земля.

Девятнадцать часов. Долгих девятнадцать часов знойного летнего дня беспрерывно атаковал противник наши позиции. Ценой огромных потерь в людях и технике врагу удалось местами вклиниться в нашу оборону. Просочились фашисты и на стыке нашей роты с правым соседом.

«В деревне Бузулук положение отчаянное. Под угрозой и станция Поныри!» — дублирует телефонист незашифрованную сводку штаба. Взрывы гранат, пулеметные и автоматные очереди заглушают его слова — жестокий и жаркий бой идет в траншее, на правом фланге роты.

— Товарищ младший лейтенант, на командном пункте товарища Горбунова состоится вручение комсомольских билетов вновь вступившим в комсомол воинам. Приказано направить на КП сержанта Кацадзе, ефрейтора Агишева, рядовых Лазаря и Гирчис.

— Важа Лазария погиб. А остальные... Передайте, что ход сообщения с подразделением Горбунова захвачен врагом.

— Слушаюсь передать, что Лазария по...

Оглушительный взрыв снаряда, судорожный взмах руки телефониста и треск падающего на пол телефонного аппарата молниеносно чередуются друг за другом...

«Что делать? Как поступить?.. Решил послать! По пути и противника выбьют из траншеи. Пусть это будет еще одной проверкой морально-боевых качеств вступающих в комсомол воинов...»

Рукопашный бой продолжался. Он с каждой минутой становился все более ожесточенным. Слышались глухие удары саперных лопаток по солдатским каскам, прикладов и штыков, резкие очереди автоматов, взрывы ручных гранат. Трупы фашистов устилали дно окопов, висели на брустверах, лежали по обе стороны траншей...

Вот на идущего впереди штурмующей группы сержанта Кацадзе набрасывается долговязый рыжий фашист. В руке его широченный кинжал с надписью «Дойчланд юбер аллес» («Германия превыше всего»).

Но, нет! Не все здесь позволено фашистской Германии. Короткая автоматная очередь — и вояка упал. Следующий за ним был сражен осколком гранаты, вовремя брошенной ефрейтором Агишевым. Он вместе со солдатом Гирчисом находился в группе прикрытия.

...Резки и стремительны короткие перебежки бойцов. Быстры и скоротечны вариации боя. Только равнодушные минутные стрелки часов идут своим чередом. Но вот надвигающийся мрак короткой июльской ночи поглощает все. Только слышится удаляющийся от КП роты жестокий и беспощадный рукопашный бой...

— Держись, кацо, — перевязывая раненного в грудь Агишева и всячески подбадривая его, говорит сержант Кацадзе и добавляет: — Сейчас путь свободен! Скоро получим комсомольские билеты.

— Спасибо! Только дойду ли я до КП? — хрипло произносит истекающий кровью ефрейтор. Толстая тугая повязка на его груди быстро набухает от кровоточащей раны.

— Что ты! Держись за мою шею, вместе пойдем, — подхватывая за руку раненого товарища, отвечает Гирчис. Агисhev напрягается и с помощью товарища встает.

Медленно, спаянные крепкими объятиями и совместно пролитой кровью, шли три израненных бойца по тесной зигзагообразной траншее. Шли туда, на КП, где представитель политотдела 307-й стрелковой дивизии вручает воинам-ленинцам комсомольские билеты...

На другой день выяснилось, что комсомольские билеты были вручены всем троем, но вернулись в роту только двое. Обратный путь оказался не менее трудным, ибо 6 июля враг наступал с еще большим остервенением. В ход было пущено все, чем он располагал. Свежие цепи пехоты, под прикрытием «тигров» и «пантер», беспрерывно штурмовали наш передний край. Погиб на обратном пути вторично раненый коми-пермяцкий комсомолец Агисhev. Ранило в руку рядового литовца Гирчиса. Контузило взрывом снаряда грузина сержанта Качадзе. Но не покинули поля боя воины-комсомольцы. Они сражались с врагом до победного конца. Только 12 июля, когда на смену нашей прибыла гвардейская дивизия, они дали согласие на отправку в санбат.

Нас же перебросили в самый западный угол северного фаса Курской дуги, под город Дмитров. Всю ночь шли пешком по тылам переднего края нашей огнедышащей линии обороны. Шли цепочкой, след в след. В отделении Супрунова, от направляющего до замыкающего, протянута веревка. За нее держатся идущие в середине строя рядовые Карпенко и Мамедов, у которых вдруг обнаружилась куриная слепота. Измотались за неделю боев, отошались без горячего питания, вот и привязалась к ним эта болезнь.

Только пришли на отведенное для нас место — и сразу в бой, развивать до нас начатое здесь наступление. Стрелковые роты перебежками пошли на сближение с врагом. Пуле-

метные расчеты продвигались поочередно: сперва один, метров на тридцать вперед, потом другой, по моему сигналу, на такое же расстояние.

Фашисты нас заметили. Накрыли минометным огнем. Мы ускорили свой бросок, чтобы вырваться из-под обстрела.

— За Родину! Ура-а! — многоголосо понеслось по полю.

— Второе отделение, вперед! — поднимаясь во весь рост, кричу я. Команду подкрепляю взмахом руки с автоматом. А впереди меня взрыв. И словно палкой ударило мне по руке выше кисти. Автомат выпал, широким ручьем потекла кровь. Дальше был санбат, затем — эвакогоспиталь в Костроме. А на память о Курской битве мне остались: неполноценная рука (спасибо врачам, что ее не ампутировали), медаль «За отвагу», нагрудный знак «Ветеран 13-й армии», да кошмарные сны, в которых постоянно куда-то бегу, задыхаясь, а впереди — преграда, огромный огненный взрыв вражеской мины.

ПОД ВИТЕБСКОМ

Прощай, эвакогоспиталь, прощайте, милые костромичи. Вы многое сделали для того, чтобы вернуть меня в строй, затратив на это почти полгода.

Еду в поезде. Колеса постукивают по рельсовым стыкам, навевают воспоминания о том, как врачи уговаривали меня дать согласие на ампутацию кисти правой руки, перебитой осколком мины на Курской дуге, но я ни в какую не соглашался. Как это я, гармонщик, вдруг без руки? Да она еще пригодится нажимать на спусковой крючок автомата или гашетку станкового пулемета.

С 15 января я уже в 455-м стрелковом полку 42-й стрелковой дивизии 69-го стрелкового корпуса 33-й армии Западного фронта. Впереди — Витебск. Наша задача — освободить город от фашистской нечисти.

Землянка огромная, немецкая, с полом из тесаных плах, со стенами из толстенных бревен, с перекрытием из четырех

накатов. Посередине этой землянки стол, накрытый красным ситчиком. За столом командир полка Колоченко — пожилой майор. Впереди его, занимая всю стенку, рации и телефонные аппараты. Работают при них молодые девушки. В полусонном состоянии они устало произносят: «Алё, алё»... Я «тайга». Слышите меня?.. Третий, третий, с вами будет разговаривать «первый»...»

С левой стороны, как в пассажирском вагоне, двухъярусные нары. На верхней лежанке — я, адъютант командира полка. Я только что прибежал с высоты, с наблюдательного пункта командира 2-го батальона, который наступает впереди. Бежал в кромешном аду разрывов мин и снарядов. Прилег с намерением отдохнуть, набраться сил, успокоиться и вдруг слышу команду «бати»:

— Адъютант, ко мне!

Спрыгиваю с нар и к нему:

— Слушаю, товарищ майор!

А он и говорит:

— Товарищ младший лейтенант, по военному образованию и по боевому опыту на Курской дуге ты — пулеметчик. Вижу, награжден медалью «За отвагу». Значит, хорошо воевал. Назначаю тебя командиром пулеметного взвода. Рядовой Можаяев, твой будущий связной и ординарец, проводит тебя до расположения пулеметной роты.

И Можаяев проводил, привел в роту старшего лейтенанта Железного, в которой после трех дней наступательных боев осталось четыре пулемета вместо двенадцати. Вскоре пришло распоряжение «бати» из остатков пулеметной роты сформировать пулеметный взвод, а командиру роты Железному отбыть в Смоленск за пополнением.

...Ночью мы строили переправу через реку Лучеса. Хрупкий лед укрепляли настилом хвороста, соломы, досок, жердей и прочего подручного материала, образуя таким способом что-то под вид моста. По этому жердяно-хворостяному настилу на крохотный плацдарм на противоположном берегу редкой цепочкой пустили стрелков и автоматчиков, пулемет-

чиков и минометчиков. За ними артиллеристов легких «сорокапятков». А потом уже и более тяжелую технику.

Противоположный берег был высокий, обрывистый и противником непростреливаемый. Разве только минометами. А солдаты — народ практичный: чуть привал — и они окапываются. Не прошло и четверти часа, а под берегом уже образовались различной конфигурации ямы, щели, котлованы. Вскоре, передаваемая солдатами по цепочке вдоль реки, поступила команда:

— Офицерам, к комбату!

Комбат разложил топографическую карту, которую в утреннем полумраке едва было видно. Что-то пальцем показывая на этой карте, он сказал:

— Впереди, напротив нас за лесочком, железная дорога. Между лесочком и нами — деревня Павлюченки. Она на нейтралке. Это километрах в трех от нас. Наши исходные позиции перед деревней, в старых обвалившихся окопах. Займем эти позиции тихо, скрытно, в предраассветных сумерках. А там, по сигналу красной ракеты, цепью, в полный рост, без всяких перебежек, пойдем в атаку. И еще, — добавляет он, — поступили маскировочные халаты. Оденьте бойцов — и на исходные позиции.

Заканчивая свое выступление, комбат заявил, что если удастся ворваться в лес и перерезать железную дорогу, то фрицы в Витебске окажутся окруженными, в «мешке»!

Участники совещания разошлись по своим местам. Обмундировались. Мне, как офицеру, достался белый ситцевый маскировочный костюм, который я надел поверх фуфайки и ватных брюк. Моим солдатам выдали маскхалаты, которые они надели поверх бушлатов и шинелей.

Наконец мы на исходных позициях. Траншея мелкая, широкая и обвалившаяся. Сразу оборудовали в ней четыре отрытые огневые позиции метрах в двадцати одна от другой. Впереди нас — лощина, по дну которой течет маленькая речушка. За лощиной — возвышение, на склоне которого остатки сгоревшей деревни Павлюченки.

Вскоре взвилась в небо красная ракета. Стрелки поднялись из окопов и молча пошли на сближение с противником. А мы сидим и выжидаем, когда противник стрельбой обнаружит свои огневые позиции, чтобы подавить их.

Как только стрелки перешли лощину и приблизились к сожженной деревне, тишину нарушил дружный автоматно-пулеметный огонь противника. Мы навели свои пулеметы на их огневые точки и поверх голов наших стрелков открыли ответный огонь. Это дало возможность нашей стрелковой роте приблизиться к обороне противника вплотную. Послышалось многоголосое «ура-а-а!».

Близ нас располагался наблюдательный пункт полка, из которого руководил боем начальник штаба, пожилой майор Подъячий. Из НП выскочил его помощник капитан Шевченко:

— Молодцы, пулеметчики! Помогли стрелкам ворваться в траншею врага! А сейчас — за мной, в деревню!

Потянули мы свои пулеметы по замешанной с мокрым снегом грязи. Иду и думаю: правильно решил комбат сближаться с противником без перебежек — уж больно сыро и грязно. Вымокли бы все и перепачкались, что отрицательно сказалось бы на настрое бойцов.

Но вот противник обрушил на нас артиллерийско-минометный огонь. Мы с Можаявым укрылись за уцелевшей русской печкой, но снарядом ударило по ее трубе, и кирпичная щепенка, обрушившись, придавила нам обоим ноги. С большим усилием выбрались из-под этого обвала и побежали дальше, поднимая и увлекая за собой пулеметные расчеты, укрывавшиеся за развалинами других домов.

Наконец-то догнали наших стрелков. Спрыгиваем к ним в захваченную у врага траншею. Отдаю команду:

— Пулеметные расчеты — на фланги роты! Быстро! Поддержим своим огнем следующий бросок стрелков!

— Ишь ты какой приткий! Силенок у нас не хватает. Подмога нужна. Пусть и минометчики подтянутся, тогда, может, и рискнем, — отозвался на это один пожилой сержант стрелковой роты с очень пышными усами.

Где-то далеко справа от меня слышу зычный голос комбата: — За мной! Вперед!..

Это он соседнюю с нами стрелковую роту ведет на штурм второй линии обороны противника...

Я дал команду одному из пулеметных расчетов выдвигнуться впереди стрелков и занять позицию в какой-нибудь из старых воронок, откуда и поддержать огнем наступающих.

Поползли солдаты, с надсадой волоча за собой станковый пулемет. Соседнюю атакующую роту прошило трассирующими пулями крупнокалиберного пулемета, возможно, зенитной установки противника. А мои пулеметчики ползут вперед.

Опять голос комбата:

— Не паниковать! За мной!

Да куда там! Многие из атакующей роты продвигались вперед только перебежками, а не в полный рост цепью. Потом и перебежки прекратились.

В старой огромной воронке от авиабомбы укрылись наши пулеметчики. Поспешили к ним и мы с Можаяевым. Залегли, скрутились в ней в клубок, как дождевые черви. А пулемет поставили на край воронки, на открытом месте.

Некоторое время спустя я предложил одному из солдат приподняться и посмотреть, что происходит на поле боя. Он высунулся, побледнел и, кажется, лишился голоса: пытается что-то сказать, а слов не слышно. Пришлось самому оглядеться вокруг и оценить происходящее.

Волнение бойца оказалось не напрасным. Фашисты поднялись в контратаку. Идут густой цепью, без головных уборов, без шинелей, тогда как мы в зимнем обмундировании, в маскхалатах. Рукава френчей засучены выше локтей, приклады автоматов прижаты к животу. Идут в психическую атаку при поддержке танков, которые движутся по одному на стыках их взводов и рот.

А наших не видно. Наша стрелковая рота, которой пулеметный взвод придан, все еще в окопах, захваченных у противника. Соседняя, атакующая под руководством комбата, залегла. Фашисты подошли на уровень занятой нами воронки.

Мелькнула мысль: одной очередью можно прошить их цепь насквозь. Я быстро установил пулемет для стрельбы во фланг противника, зарядил полной лентой, навел и закрепил наводку. Солдат нажал на гашетку. Пулемет застучал, как тракторный двигатель, гулко и ритмично. Этот фланговый огонь для фашистов оказался неожиданным и роковым. Многие из них упали убитыми...

Вдруг раздался страшный взрыв. Нас оглушило и засыпало комьями вывороченной земли и кусками железа. Стреляющего из пулемета солдата убило. Двоих, рядом с ним лежащих, смертельно ранило, а я и Сергей Можаяев отделались легкой контузией.

Еще двум другим бойцам мы с Можаяевым сделали тугие повязки и посоветовали им до темноты остаться на месте, в этой воронке, а сами решили отползти в траншею, к стрелкам роты, которой наш взвод придан, чтобы из захваченных у противника окопов вести вместе с ними организованный оборонительный бой.

Спрыгнув в траншею, на минуту задумался: что делать? Один пулемет уничтожен, еще три остались. Из них два на флангах роты, а один где-то посередине, но тут подошел ко мне усатый сержант и спросил:

— Что намерен делать, взводный?

— К пулеметному расчету схожу, что находится на правом фланге.

— Нечего там делать, пулеметный расчет погиб. Трех раненых мы уже отправили в санроту.

— Тогда на левый.

— На левый можно.

— Тогда я побежал. А ты, сержант, как стемнеет, вытащи с ребятами наших двоих пулеметчиков. Раненые они лежат в воронке, что впереди вашего отделения.

— Ладно, — ответил он.

Бегу по траншее на левый фланг. За мной — Можаяев. А впереди путь закрыт. Вражеский танк «утюжит» траншею. Она обваливается под его тяжестью. К танку подкрадывается

со связкой гранат стрелок и бросает ее под гусеницы. Танк же успевает выстрелить из пушки по нам...

Постепенно проясняется сознание. Лежу на дне развороченной траншеи. Ломит голову за правым ухом, шею, руку, всю спину от головы до ног. Окровавленная прядь волос закрыла правый глаз. Пытаюсь подняться, но что-то держит меня с правой стороны и тянет обратно. Превозмогая боль в шее, ухитряюсь посмотреть и вижу: рука Можаяева крепко держит меня за полу ватной фуфайки... Связной мертв, основную массу осколков он принял на себя.

Кто-то поднес мне солдатскую фляжку со спиртом, заставил глотнуть. Да это же тот сержант из стрелковой роты, что с пышными усами. Ножом он отрезал мне прядь запекшихся в крови волос, бинтом перевязал голову и шею. Поверх прильнувшей к телу гимнастерки наложил тугую повязку по всему корпусу.

Вскоре к нам подошла сержант санитарной роты нашего полка москвичка Липочка и сделала укол. Потом осторожно положила в маленькую санитарную лодочку, и стайка шустрых пушистых собак под ее крики «гей-гей-гей...» поволокла меня в сторону станции Лиозно, в дивизионный санитарный батальон.

Только четыре с половиной месяца спустя после моего ранения были освобождены города Орша и Витебск от фашистских оккупантов. Но я не думаю, что кровь, пролитая нами у стен этих городов, смерть Сергея Можаяева и многих других были напрасными.

НА ТРЕТЬЕМ КОЛЬЦЕ ВОИНЫ

31 мая 1944 года из эвакогоспиталя № 2648 подмосковного города Егорьевск поехал я на третье кольцо войны.

Мне доведется воевать в 3-м батальоне 1313-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии 31-й армии 3-го Белорусского фронта и быть в третий раз раненым.

Но до ранения еще семь месяцев войны, а сейчас вот бегу между дымящими развалинами города к обширному пустырю, образовавшемуся после жестокого боя на железнодорожной станции Орша. Бегу, огибая поверженные паровозы, горящие вагоны, разбитые автомашины, увлекая за собой своих пулеметчиков. Бегу и досаду на них за то, что продвигаются очень медленно, не так, как хотелось бы мне. Досаду, хотя и понимаю, что тащат они свои тяжеленные «максимы» на маленьких колесиках по шпалам и рельсам, по рытвинам и ухабам, через воронки авиабомб и снарядов и быстрее двигаться не могут.

Нас обгоняет взвод автоматчиков. Впереди — шустрый сержант Дима Несвитеев с автоматом на груди. За Оршей — город Борисов! А дальше — Минск, прочесывание и очистка лесов от фашистов, удирающих из окружения на запад.

...С трудными боями, преодолевая огромные расстояния по Белоруссии, юго-западным районам Литвы и Белостокскому воеводству Польши, продвигалась наша дивизия. Довелось увидеть немало кровавых следов злодеяний фашистов: расстрелянных, сожженных, повешенных, истерзанных, раздавленных гусеницами танков советских и польских женщин, стариков и детей. Увиденное наполняло наши сердца ненавистью к врагу, взывало к отмщению.

В середине октября сорок четвертого началось наступление на Восточную Пруссию. Продвигаться было трудно, лили дожди, дороги раскисли — глаза бы на белый свет не смотрели, а тут надо еще смотреть в оба! И продвигаться, спешить...

На колеса станкачей столько наматает грязи, что они превращаются в земляные «глобусы», а семидесятикилограммовые пулеметы весом удваиваются, и всем отделением его едва тянешь по раскисшему вспаханному полю...

Здесь мне довелось встретиться с замечательным человеком, мужественным и храбрым командиром стрелковой роты лейтенантом Е. М. Трошевым. Он был выше меня ростом, старше года на три, несловоохотливым, но изредка любившим похвалиться красотами своего северного края: сосновыми бо-

рами, клюквенными болотами, рыбными реками и глухариными токами. Легкий акцент выдавал его принадлежность к коми-пермякам.

В бою Трошев был очень опытным (шел по фронтовым дорогам с начала войны) и отважным. Во всем чувствовалась с детства приобретенная таежная охотничья хватка и смекаливость.

Как-то командование поставило перед его ротой задачу: провести разведку боем по определению крепости обороны противника. Для усиления огневой мощи роте придали три легких танка, батарею 57-миллиметровых пушек и 82-миллиметровых минометов, по взводу пэтэровцев, автоматчиков и наш пулеметный взвод. Приближались к сожженной польской деревне скрытно, по низинам и лощинам, поросшим ивняком. Потом рота поднялась и с криком «ура» бросилась на первую линию обороны противника. Захватив ее, Трошев не стал прочесывать, очищать от фрицев траншею, а повел роту дальше, на штурм второй, да так решительно.

— Славка! Весь пулеметный огонь длинными очередями по второй траншее врага! Да так, чтобы головы не подняли! — кричит он мне. Такие же команды отдает приданным его роте артиллеристам и минометчикам. И все мы, воодушевленные наметившимся успехом, стараемся как можно лучше исполнить его команду — массированным огнем накрываем вторую линию обороны противника.

Обгоняя стрелков, проносятся вперед наши танки. За ними, в образовавшийся прорыв, втягивается весь стрелковый батальон, а за ним — и 1313-й стрелковый полк. Вырываемся на оперативный простор, в глубокие тылы противника!.. За первой сожженной деревушкой врываемся во вторую, в третью, более крупную, полуразрушенную, потом в село.

На площади перед костелом недавно убитые и искалеченные взрывами мин и снарядов лошади, разбитые автомашины, мотоциклы, повозки. На перекладине между двумя липами трое повешенных крестьян: пожилой, средних лет и молодой. У каждого на груди дощечка с надписью: «Партизан».

То тут, то там — черные дымы пожарищ! За селом драпают от нас фрицы в низину. Пока позволяет грунт, по склону их преследуют наши танки, накрывая пушечным огнем и прошивая пулеметными очередями.

За танками — автоматчики! Слева от них — стрелковая рота Егора Трошева. Идет цепью, в полный рост, уверенная в том, что фашисты у края болота будут окружены и уничтожены.

Так оно и произошло, только с затруднениями: у края болота, в непроходимых зарослях ивняка и ольховника, противник принял рукопашный бой. Произошла ожесточенная схватка с применением солдатских клинков и прикладов, штыков и саперных лопаток. Перемешались в бою так, что не поймешь, где свои, где чужие.

Сзади на голову Егора Трошева падала, направленная рукой врага, огромная ольховая дубина. Дима Несвитеев резанул автоматной очередью по руке фашиста, и она вместе с обломком ольхи упала в болотный кочкарник...

Так потом и продвигались в сторону Мазурских озер, Восточной Пруссии, на запад от Кенигсберга...

Приказом по 173-й стрелковой дивизии за эти бои я был награжден орденом Красной Звезды, в этой же дивизии в сентябре стал кандидатом в члены партии. 26 января 1945 года под городом Ангербург был ранен осколком касательно в теменную кость головы. На этом и закончился для меня третий заход на войну... Третий, но не последний. Будут еще и четвертый, и пятый, прежде чем дойдем мы до дня Победы...

«МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛИ...»

Далеко позади остались освобожденные от немецких захватчиков исконные земли России. Были освобождены, но еще жили тревожною жизнью войны Орша, Борисов, Минск, Гродно. А фронтовые дороги уводили нас дальше на запад.

С тяжелыми боями двигалась вперед наша 174-я стрелко-

вая Борисовская Краснознаменная дивизия, перед фронтом которой были селения Августов и Сувалки. Стрелковая рота, которую поддерживал наш пулеметный взвод, шла цепью на сближение с отступающим противником. С высоты далекой от нас кирхи враг обстрелял роту фронтальным огнем, трассирующими пулями из крупнокалиберного пулемета. Рота залегла.

Вдруг в расположенной впереди нас роще загудели тяжелые двигатели. Вскоре на дороге появились фашистские танки. А у нас, пулеметчиков и стрелков, ни противотанковых гранат, ни бутылок с горючей смесью.

Но, кажется, нас, пулеметчиков, танки минуют. Они движутся по шоссе на Сувалки, где заняли позицию пэтээровцы, которые всегда располагаются на наиболее танкоопасных направлениях. Слышу голос взводного бронебойщиков: «Без моей команды не стрелять! Подпустим их ближе, чтобы бить наверняка!»

Затаились пэтээровцы, вросли в заснеженную землю, ждут. А вот и зычная команда взводного: «По головному танку, в гусеницу, огонь!»

Раздался резкий выстрел. И как только плечи пэтээровцев выдерживают мощную отдачу противотанковых ружей?

Еще залп! Еще! Теперь уже выстрел самого взводного, пришедшийся под орудийную башню. Головной танк соскочил с гусеницы, закружился волчком, повернулся к нам бортом с намалеванной на нем свастикой. А башню заклинило.

Бронебойщики воспрянули духом. Их меткие выстрелы последовали один за другим.

Вот уже подбит второй танк, третий... Из машин выползают враги через нижние люки. Поражать огнем уже наша забота. Даю команду пулеметному расчету. Он открывает огонь. Стучит «максим», как конная сенокосилка, заливается частыми прицельными очередями.

За танками идут вражеские пехотинцы. Об этом предупреждает командир пулеметной роты старший лейтенант Железный. Раздав пулеметные взводы на период боя в подчине-

ние командиров стрелковых рот, он был все время вместе с комбатом, а тут появился вблизи нас. Но и наши стрелки фашистов заметили и открыли по ним огонь из карабинов, автоматов, застрочили из ручных пулеметов. Вступили в бой и минометчики. Противник не выдержал, стал медленно отходить.

...Среднего роста русский парень, очень подвижный и как бы пружинистый, встретился мне поздним вечером после боя в лесу. В нем узнал я взводного бронебойщиков.

— Как зовут тебя, лейтенант? — спрашиваю его.

— Для солдат я — Алексеев. А для тебя, — он разом охватил меня своим взглядом, — для тебя — Анатолий. Можно и запросто — Толя. А как тебя звать, пулеметчик?

Так мы, два взводных, и познакомились в 508-м стрелковом полку, в составе которого затем шли с боями через Мазурские озера и далее по территории Восточной Пруссии.

Расстались мы по случаю очередных ранений. И встретились уже через тридцать четыре года в Москве летом семьдесят девятого. Засиделись почти до утра со своими воспоминаниями. Вспоминали бои за город Хальсберг, в который входили ночью и где по улицам еще громыхали немецкие бронетранспортеры, а наводчик ефрейтор Батюк через щель каменной ограды в упор расстреливал их из противотанкового ружья под одобрительные возгласы лейтенанта Алексеева: «Браво, Батюк! Браво!»

Но больше всего, пожалуй, помнилось нам окружение под Петерсхагеном. Тогда наш полк вечером вошел в деревушку и расположился отдыхать. Часа в два или в три ночи фашисты атаковали нас и окружили. Дрались мы остаток ночи и весь следующий день, и только к вечеру удалось разорвать кольцо и открыть дорогу на Петерсхаген.

Взвод ПТР отходил последним, ибо приказано было ему оседлать дорогу, как танкоопасное направление, прикрывать отход полка в Петерсхаген, где снова мы сидели в окружении целых семь суток, отбиваясь от атак фашистов, а их было по пять и более в день.

Весна широкой поступью шагала по Европе. В зеленом шуме ее уже слышались громовые раскаты залпов Победы.

Из Восточной Пруссии поездами, через уже освобожденную Польшу, несколько дивизий, в том числе и наша 174-я стрелковая, были переброшены в Германию.

До 6 мая мы находились в небольшом немецком городке Альт-Яуэр. По условиям капитуляции, противник должен был сложить оружие и сдаться в плен. Однако этого на нашем участке фронта не случилось.

Началась операция по уничтожению драпающих гитлеровцев, в которой, вместе с другими, участвовала и наша 174-я Борисовская Краснознаменная стрелковая дивизия.

...Хотя и с запозданием пришлось нам отмечать День Победы на благодатной чехословацкой земле у гостеприимного народа, зато какие это были неповторимо-трогательные и запоминающиеся минуты: слова приветствий, счастливые лица, глаза, улыбки и всюду цветы, цветы и цветы...

— Наздар! Наздар!.. Наздар-а-ар! — неслось отовсюду. Тогда незнакомым было нам это приветствие, но все мы понимали, чувствовали в нем народную теплоту и любовь, радовались и ликовали...

И пусть много фронтовых дорог было пройдено каждым, пусть тела наши покрывали рубцы и шрамы, каждый смущен был и чувствовал какую-то неловкость, видя всенародное излияние чувств любви и признательности, благодарности к Советскому Союзу, его народу и героической армии за освобождение от гитлеровского ига.

**ГЕОРГИЙ ЗОТЕЕВИЧ
ТИУНОВ.** В годы Вели-
кой Отечественной вой-
ны — боец отряда мор-
ской погранохраны, ко-
мандир отделения, худо-
жественный руководи-
тель клуба морской
бригады. Принимал уча-
стие в разгроме фашист-
ских захватчиков на Ка-
рельском фронте. На-
гражден многими меда-
лями. После войны на-
ходился на педагогиче-
ской и журналистской
работе. Умер в 1979 го-
ду.

Г. Тиунов

ЭТО БЫЛО НА РЫБАЧЬЕМ

КОНЕЦ «РЫЖЕЙ ЛИСЫ»

В конце 1940 года вместе со своими земляками я попал на Рыбачий, где стоял 100-й пограничный отряд. Половина его были сибиряки и москвичи, а тут подросли и мы, уральцы.

Граница повстречала ветрами, пургой и удивительно приветливыми солдатами, которые уже втянулись в нелегкую службу.

Прошли какие-то три месяца, а нас, новичков, нельзя было отличить от старослужащих. Мы так же, как и они, могли отмахать по снежной целине десятка два километров, а потом броском преодолеть штурмовую полосу. Мы учились военному ремеслу прилежно и настойчиво, потому что знали: война подходит к нашим рубежам.

...Десять дней немецкие и финские генералы и офицеры ползали возле наших застав, присматривались, прикидывали, вытягивали шеи. Наши парни с дозорных троп и секретов видели и отмечали в своих рапортах оживление на финской стороне.

Пора спокойной жизни кончилась. Тревоги стали частыми. К нашему берегу на ботах или просто на лодках приплывали норвежцы, искавшие спасения от гитлеровцев. В апреле груп-

на немецких шпионов-диверсантов прорвалась на участке соседнего отряда. О демобилизации никто даже не заикался, и наши старички-сибиряки немного приуныли. Но весной начались отпуска офицеров и сверхсрочников. На Большую землю уходили корабли, и о войне как-то даже не думалось. Все вроде бы идет по мирному расписанию.

И вдруг воздушная тревога. Высоко над нами летел самолет. За ним еще один. Это были немецкие разведчики.

По боевому расчету я был первым номером станкового пулемета. Начальник заставы приказал срочно вырыть окоп для круговой стрельбы. «Максим» установили на устройство, поставили специальный прицел для зенитной стрельбы, и в окопе сменяли друг друга через четыре часа.

Запомнилось утро 22 июня. Нет, фашисты еще не перешли границу. Они опять появились над нами. И, к моему удивлению, лейтенант Кокорев, начальник заставы, отдал приказ открыть огонь.

...В самолет, может, я и не попал, но, оказавшись в струях трассирующих пуль всей заставы, «юнкерс» резко завалился на крыло и повернул в сторону моря.

Тут же пришла телеграмма командующего округом о начале войны.

Пограничники опоясали заставу окопами, сложили в вещмешки запасы патронов и продовольствия. Между заставами оборону заняли армейские пулеметные роты.

В комнатах запахло горелой бумагой: жгли письма, альбомы, ненужную мелочь. Остались в карманах комсомольские билеты и черные шестигранные жетоны. В них бумажка с фамилией и адресом.

Что-то тревожно и непонятно тяжелое впервые приходило к нам, восемнадцатилетним. Притихшие, задумавшиеся над чем-то большим, чем смерть, мы встречали последний для нас тихий июньский рассвет.

Сидим в комнате лейтенанта Кокорева. Огненно-рыжий, ладно скроенный, одетый с иголки, он не то спрашивает, не то размышляет:

— Неужели настоящая война? А я хотел в академию податься. Ну, что ж, погодим. Заваруха ненадолго. Как там бойцы? — спросил он старшину.

— Как всегда, сидим у моря — ждем погоды.

— Пойдем к ним.

И вот мы все вместе, двадцать пять чем-то похожих друг на друга: старшина Коломийцев, пулеметчики Смурыгин, Лапшин, Тимохин, снайпер Брюханов...

— Садитесь, покурим, — сказал Кокорев и протянул портсигар. Коломийцев принес патефон, завел любимую всеми пластинку, начал подпевать:

... — Эх, Андрюша,
Нам не жить в печали...

Мы не знали тогда, что старшина погибнет под первыми бомбами, что пулеметчика Смурыгина пуля настигнет, когда он расстреляет последнюю ленту, что Толя Лапшин станет лучшим разведчиком, а снайпер Брюханов первым из нас получит орден Красного Знамени.

Никто не мечтал шагать по мостовым поверженных немецких городов, и никто не знал, что удар по Рыбачьему значится в планах гитлеровского командования. Значится под кодовым названием «Рыжая лиса». Я вижу их опять, побратимов тех дней. Может, потому и не плачу. Как трубач, спозаранок, созываю я друзей на поверку.

Я вспоминаю, как все было, раскручивая ленту времени обратно в те сороковые, роковые.

После бешеного артогня, уничтожившего здания 7-й и 8-й погранзастав, гитлеровцы двинулись по единственной дороге на Мурманск.

Пограничники, укрывшись в недостроенных домах, ждали. Они притаились и в полутьме, у бойниц. Все слышнее гортанные команды, отрывистые выкрики, шум.

Захватчики идут в полный рост, наглые, уверенные, что «советгреншутцен», то есть пограничники, разбиты, что «зеленоголовых» смел артиллерийский залп.

И вдруг навстречу им огонь: кинжальный, перекрестный, навесной. Горы буквально ошестинились стволами пулеметов. Ливень пуль настигал немцев всюду и хлестал со страшной силой.

«Рыжую лису» выносил и осуществлял гитлеровский штабист Гесс. Спустя много лет в Западной Германии вышла его книга «Заполярный фронт в 1941 году». Гесс пытался оправдать провал немецкого наступления в первые дни войны, но признается, что в расчеты гитлеровцев не было принято мужество пограничников. При описании первого боя на границе Гесс прямо говорит о героическом сопротивлении советских застав. Будучи окруженными, они отвергли предложение о сдаче и дрались насмерть. Тогда фашисты применили огнеметы. Гесс хвастал, что егеря овладели 27 дотами.

Это неправда. Дотов всего было семь, недостроенных, необорудованных. И бойцы 8-й заставы сгорели в них, предпочитая смерть плену.

7-я застава почти сутки сдерживала нашествие на первом километре советской земли, жизнями бойцов прикрыв Мурманское направление.

Застава под командованием лейтенанта Яковенко и младшего политрука Грушина выдержала двенадцать часов непрерывных атак, бомбежек, шквального огня.

Николай Тетенев из своего пулемета расстреливал наступающих. Не смолкали очереди слева и справа. В ход шли гранаты. Но слишком неравны были силы. Цепь пограничников редела. Погиб младший политрук Грушин, пуля свалила Сашу Каменского и Васю Артемова.

— Рус, сдавайся! — кричали враги.

— Русские в плен не сдаются! — крикнул лейтенант Яковенко и швырнул последнюю гранату.

Парторг заставы Гольтунов написал на листке блокнота: «Нас здесь три коммуниста, и пока будет жить хоть один, фашисты не пройдут». Этот обгаренный кровью листок передавался из рук в руки, и каждый ставил свою подпись.

Раненые, измученные Гольтунов, Жвакин, Немиров, Тете-

нов продолжали оборонять высоту, на которой стоял пограничный знак.

Отряд, сведенный из остатков погранзастав и постов, занял оборону за боевыми порядками 135-го стрелкового полка. Нам предстояло умереть, но не пустить немцев на Рыбачий.

Совинформбюро сообщило: «2 и 3 июля продолжаются ожесточенные бои на полуострове Среднем». Но это были последние потуги сдыхающей на Муста-Тунтури «Рыжей лисы». Война только начиналась.

ЗА СТРОЧКАМИ СООБЩЕНИЯ

Две операции в немецких тылах прошли удачно. В отряде появились первые орденосцы. О пограничниках начали поговаривать на переднем крае, как о людях дерзких до отчаяния. Газета «За честь Родины» несколько раз повторяла призыв бить врага, как бьют его пограничники.

Действительно, отряд мало потерял, а шуму наделал так много, что егеря по ночам беспрерывно светили ракетами и постреливали. Но наши разведчики Шаманов и Шарыгин, или «Два Ш», в начале октября проверили «коридор» в немецкой обороне, и командование приняло решение отправить через фронт еще одну группу и разгромить 167-й самокатный батальон, стоявший на охране коммуникаций фашистской группировки «Норвегия».

Майор Калеников, формируя рейдовую группу, включил в нее половину «обстрелянных» и половину новичков. Во второй половине оказался и я.

Готовились тщательно, как на инспекторскую поверку: оружие начищено до блеска, патроны протерты, в мешках ничего лишнего.

В ночь перед выходом в землянках чувствовалась взволнованность, какая бывает накануне боя. Одни неподвижно сидели, другие то и дело курили, третьи ходили, подсаживались к товарищам... Проявился характер каждого: один безумолчно говорил, другой тяжело молчал, а кто-то беззаботно хра-

пел на нарах. Я лежал и вспоминал Урал, школу, своих друзей, и никогда потом не казалась мне прежняя жизнь такой хорошей и безоблачной, как перед первым настоящим боем.

Вечером 9 октября нас подняли по тревоге. Все ясно — пойдем сегодня, не медля.

Ночь выдалась, как по заказу: темная, ветреная, пуржистая. У одной из землянок переднего края остановились. Старший политрук Филатов, провожавший нас, еще раз напоминал:

— Действовать только попарно! Попарно!

Мой напарник Коля Треногин, голубоглазый, улыбчивый парень из Нытвы. Земляк отлично играл на баяне и стихи писал. Он был спокойный, даже чуточку медлительный.

— Ты шагай за мной, — сказал он, — а то за тобой не поспеть, верста коломенская.

Короткие минуты последних напутствий, и мы, сорок человек, один за другим, скатываемся с бруствера окопа на ничейную землю, в кромешную темноту.

У самых ног плещутся волны моря. Мы идем по кромке отлива. Слева, перечеркнув полнеба, высится Муста-Тунтури. Подсвеченный ракетами и всполохами далеких разрывов, горный хребет, кажется, вот-вот обрушит на нас лавину огня.

От моря разведчики повели группу в горы. Мы скользим и падаем, перебираясь со скалы на скалу. Шаманов и Шарыгин тщательно прочесывают каждый овраг, каждую кучу камней, каждую расщелину: горы таят опасность, гибель.

...Становилось все холоднее и холоднее. Ветер набирал скорость, и его стонущий вой разносился окрест. Тяжелый, мокрый снег таял, коснувшись одежды. Мы промокли насквозь, замерзли и окоченели.

Чем дальше в немецкий тыл, тем сильнее напряжение. Нервы, казалось, звенели. Полугромкое слово, лязг оружия, нелепые контуры каменного хаоса — все волновало, заставляло вздрагивать, настораживаться.

На нашем пути то озерцо, то ручьи, то нагромождение скал. И вот мы крутимся, выискивая дорогу, идем то по мяг-

кому мшанику, то со злостью карабкаемся по скользкому граниту и скользим вниз, в топь.

Да, это были места, явно забытые богом и облюбованные только дьяволом да гитлеровцами.

Все-таки к рассвету мы были у цели. Снег покрыл горы белыми пятнами, будто набросил гигантскую маскировочную сеть. «Два Ш» идут уверенно, как к себе домой. Вдруг команда: «Ложись!»

Похожие на слизняков, мы прилипли к земле, да так, что не оторвать. Враги, оказывается, рядом, под боком. Выдал их часовой. Напряженное ночное бдение миновало, и он весело наигрывал на губной гармошке. За протоптанной им тропкой виднелись палатки. Они до окон были выложены камнями. Чуть в стороне от больших палаток стояла небольшая, белая.

— Закидайте ее гранатами, — приказал мне политрук Свинцов. — Подниматься только по сигналу Лапшина.

Словно большая черная кошка, бесшумно прополз Лапшин к концу тропы и замер. Часовой повернул голову, вслушиваясь в посвист ветра, а может, он что-то заметил. Вот он снял с плеча автомат, постоял, медленно повернулся. Тут его и настигли Толины цепкие руки.

Он поднялся было, но снова упал. Из крайней палатки вышел солдат, огляделся, справил нужду и нырнул под брезентовый полог. Туда же Лапшин бросил свою первую гранату.

— Вперед! — крикнул командир группы. В дымном в эдухе раздался грохот взрывов. Изумленные, ничего не понимающие фашисты выбирались из-под рухнувшего брезента и тут же валились, нелепо раскидывая руки и ноги, другие в отчаянии бросались на землю, воя и крича. Но огонь и тут находил их.

Разгромив первый ряд палаток, пограничники заторопились дальше, к следующему ряду. Но враги быстро заняли оборону, и наша небольшая группа оказалась вся на виду, у подножия сопки. Сверху по нам уже ударили пулеметы. Они били расчетливо и ритмично, с короткими промежутками.

Командира убило первым. Он принял пулю, едва крикнув: «За Родину!» Рядом с ним упал один, второй, третий. Плотный огонь прижал нас к земле. Мы с Колей распластались за камнем, и очереди, попадая в него, уходили вверх злым, воющим рикошетом.

Коля заметил вражеского пулеметчика и показал мне. Я выстрелил раз, другой. Пулемет, замолчавший было, снова заколотил. Тогда я прицелился, как на учебных стрельбах, по всем правилам, и нажал на спусковой крючок. Пулемет захлебнулся.

Командование группой принял политрук Свинцов. Коренастый, чуточку угловатый, какой-то даже домашний. Ему тоже было знакомо чувство страха, но, в отличие от нас, Свинцов сохранял мужество и смелость намного дольше, чем мы. Этого вполне хватало, чтобы подняться под огнем, принять дерзкое решение, вдохновить примером.

Так случилось и тут. Свинцов громко и властно командовал: «Отходить попарно в сторону озера».

Через полчаса группа собралась в густом кустарнике. Политрук сказал, что задачу мы выполнили. Теперь — к своим. У нас в подсумках по десятку патронов и на руках Саша Мялицын, раненный двумя пулями в бедро. Он — мой земляк и служили мы на одной заставе. Но самое главное и страшное: немцы знают, где мы и сколько нас. Цепкие и хорошо обученные, они преследовали нас по всем правилам, с медлительной дотошностью. Их фигуры вырастали на отдаленных от нас сопках, но стоило нам двинуться вперед, как новые фигуры появлялись почти рядом. Когда егеря подходили ближе, стараясь окружить нас, мы отбивались в коротких стычках и опять исчезали.

Мялицын сначала шел сам. Ему несколько раз сменили повязку, но она сползла, и в голенищах сапог хлюпала кровь. На вторые сутки Саша не поднялся с привала. Его понесли на руках. Тогда, после очередной передышки, он сделал последнюю попытку пойти самостоятельно. Обхватив за шею товарищей, попробовал ступить на больную ногу, но лицо его

стало серым, в глазах метнулась тревожная мысль: «Неужели не доживу?»

У покинутой 6-й заставы группа залегла в кустарнике. Дальше, как футбольное поле, гранитная оголь, посыпанная мелким камнем. Уж ее-то немцы просматривали насквозь. А ведь кто-то должен был нести Сашу! Самое малое — четверо. Мишень что надо. И это понимал каждый, кроме Мялицына, который уже не приходил в сознание.

Свинцов никому не приказал, а просто сказал:

— Ну, берите его, парни! В путь!

Я оказался в четверке. Шел справа. Шел и чувствовал, как иду на мушку вражьего пулемета.

Десять... Двадцать... Тридцать метров. Муста-Тунтури не замечает нас. Остальные полсотни метров мы уже идем, раскачиваясь, ничего не соображая от усталости и напряженного ожидания.

Вот скатились в расщелину, плюхнулись в болотную слизь и тогда только заметили, что Саша мертв. Хоронили его тут же, обложив тело плитками.

По хаосу камней мы прошли до скалистой гряды. Здесь Большая земля обрывалась в море гранитными стенами, отполированными ветрами.

Под стеной собрались все. Высоко над нами постреливают егеря. У подножия морская пена. Дальше перешеек и наш передний край.

Все вернулось на круги своя. Мы видим наших солдат и ругаемся, что они плохо маскируются, замечаем дальше, на высоте, дым, где наверняка нас ждет «батя» Калеников. Мы все видим, но ничего не можем. Прошагнуть километровую долину смерти невозможно днем. Это самоубийство. А нам надо жить и жить. Война только началась.

Прошло три часа. Вода начала возвращаться. Она наступала медленно, но верно, поднималась сантиметр за сантиметром. Свинцов переходил от группы в группу и ронял тяжелые слова:

— Не хныкать: стоять на месте!

По пояс в воде стояли мы, не чувствуя уже ни холода, ни голода. Странная пустота заполнила каждого и каждый стал частью, продолжением черной скалы.

Я стоял рядом с Колей Треногиным и решал ряд нерешенных вопросов, составляющий неликвидный фонд философских систем: для чего живет человек, почему только надежда и крушения составляют скудный набор жизни, даже на войне. Думалось о будущем. Там все было светло и прекрасно. Ни тревог, ни выстрелов, ни проклятой воды! И надежда опять и опять посещала меня, как и каждого, кто стоял рядом.

Я достал фотокарточку своей невесты и долго смотрел в ее глаза, которые, казалось, спрашивали: «Каково тебе, солдат?» «Плоховато, но выдюжим, — ответил я. — Мы же должны встретиться. Если обещал, значит, вернусь. Мне бы только дожить до темноты».

Фотокарточка пошла по цепочке. Я боялся, что Свинцов не похвалит меня. Был же приказ не брать с собой ни бумажки. Но Свинцов, напротив, весь преобразился, вроде оттаял. Он смотрел на мою невесту и чему-то улыбался. Наверное, вспомнил семью. Да кто знает, о чем подумал тогда наш озабоченный политрук. Только много позже он признался, что карточка была для него вроде привета с нашей земли. И чувство одинокости, осиротелости покинуло его.

До наших было рукой подать, и с наступлением темноты мы бесшумно проскользнули ничейную землю.

Калеников действительно ждал нас. Он каждому жал руку и повторял: «Молодец! Молодец!» Под впечатлением пережитого я на следующий день пришел в редакцию газеты «За честь Родины». Редактор ее, политрук Якимец, положил перед мной лист и сказал:

— Напиши об этом.

Я написал стихи и назвал их «Василий Свинцов». Якимец прочитал, похвалил, но потребовал написать в прозе. Так в газете появились стихи и материал о рейде пограничников.

Вскоре в «Красной Звезде» была информация К. Симонова о том, что бойцы части Каленикова в ночном бою уничто-

жили штаб 167-го батальона. Я читал стихи Константину Михайловичу, когда он находился в нашей редакции.

Он послушал их, помолчал, потом сказал:

— В отношении поэтического мастерства тут судить трудно, а то, что Свинцов достоин стихов, я не сомневаюсь. Именно о таких людях и надо писать.

А потом последовал второй рейд, за ним третий... Погибли наши разведчики — «Два Ш». Правда, Шарыгина я еще застал живым. Он лежал без кровинки в лице. Узнал меня. Попросил пить.

— Останешься жив, не забывай... — Он еще хотел что-то сказать, но силы оставили парня. И все-таки я понял: не забывай нас.

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

...Командир пограничного отряда майор Калеников запомнился мне надолго.

К. Симонов
Военные дневники

Прямые столбы дыма подпирали ультрамариновое небо. Белые шапки землянок сияли первозданной чистотой. Колочий, сухой мороз разрумянил лица бойцов. Они стояли, переступая с ноги на ногу, в зернистом снегу. В строю те, кого в немецких приказах предлагается в плен не брать, а расстреливать на месте.

Хоть и длинна шеренга, но как поредела она по сравнению с той, что была в июне! Мы уже знали радость первых побед и горечь утрат, бессонницу ветреных ночей и черное воронье над полями боев.

Майор Калеников идет медленно. Высокий и широкий в кости, он смотрит на бойцов, наклонив вперед и вбок голову, роняет на ходу тяжеловесные слова и время от времени задумчиво подытоживает течение своих мыслей басовитым «Хорошо. Хорошо».

Память, как добрый писарь-штабник, подсказывает ему фамилии бойцов и сержантов.

...Смурыгин, Тимохин, Агеев, еще Агеев, Коломийцев, Лапшин, Филимонов.

Толя Лапшин — москвич, он рос на Таганке заядлым голубятником. Любил высокое небо и воркующих турманов. А здесь пришлось брать в руки нож. Это «Толя с Таганки» снял часового, открывая путь группе Хрявина. Он же на виду у бойцов политрука Свинцова образцово-показательно прирезал караул 67-го самокатного, и Толина граната произвела тогда последний утренний подъем фашистского гарнизона. С тех пор замкнулся Лапшин. Ни улыбки, ни усмешки. Черные глаза смотрят настороженно.

Рядом с Толей — старшина Гольтунов. Маленький, щуплый, но шустрый и находчивый, Гольтунов был парторгом шестой заставы, первой принявшей на себя удар егерского батальона.

Плечо в плечо с ним Борис Филимонов, угрюмый, нескладный, с черными, толщиной в палец, бровями. В отряде его зовут медведем. Накануне войны Борис, охотясь, встретился в горах с косолапым и свалил его одним выстрелом.

На фланге белеют полушубки офицеров. Перетянутые ремнями, с планшетами и пистолетами, они выглядят парадно. Лейтенант Сорокалет, отчаянный до безрассудства, с худым острым лицом, и рядом с ним политрук Сенькин, спокойный, рассудительный. Лейтенанты Егуров и Якушев о чем-то вполголоса разговаривают. Лица обветренные и озабоченные. Майор бросил взгляд в их сторону, и они, качнувшись друг от друга, расправили плечи.

Майор вспоминал различные, порой, казалось бы, несущественные, подробности прошлых боевых операций, совместной военной жизни, и от этого люди в масках, стоящие перед ним, были для него еще ближе и дороже.

Калеников любил повторять и настойчиво утверждал: «Один чекист-пограничник стоит десятерых немцев». Его вера передавалась отряду, потому что бойцы знали майора, как самих себя.

Пастух в имении графа Гейдена, Иван Калеников в 1919 году пришел добровольцем в 5-й украинский полк. А когда отшумела военная страда, Калеников с отрядом ЧК гонялся за бандитами Заболотного, Орел-Гальчевского, Добровольского. Два раза был ранен, но бандитская пуля и нож не выбили из седла отчаянного чекиста. А потом была трудная служба на границе. Служба, не знающая отдыха, мелочей, уступок. Маленькие гарнизоны застав, где Калеников был высшей инстанцией, приучили его быть расчетливым хозяином и самостоятельным командиром. Так постепенно сложился характер прямой и твердый.

К началу войны майор Калеников со своим отрядом стоял на стыке трех держав. Позади родная земля, за окном — финны, а через холодный фиорд — Норвегия.

Командир отряда неделями пропадал на заставах и постах. Требовал жестко, порой наказывал, добиваясь отличной выучки, умения в любой момент встретить врага. И пограничники не дрогнули перед лицом фашистского нашествия. Бойцы линейных застав дрались до последнего патрона.

На Рыбачьем батальон пограничников выделялся подтянутостью, дисциплиной. Еще задолго до введения почетного звания гвардейцев немцы называли нас в листовках «кремлевской гвардией». И мы гордились этим! Отряду не просто сопутствовала удача. Дело не в звании: расчетливо воевал майор Калеников.

Едва наступили осенние ночи, как линию фронта перешла группа бойцов с капитаном Хрявиным. Они навалились на господствующую высоту, выбили с нее немцев и подняли красный флаг. 60 человек в течение суток дрались против сотен эсэсовцев и альпийских стрелков.

Такая же участь постигла вскоре штаб 67-го самокатного батальона. Немцы всполошились. Они перерезали перешеек плотной линией окопов и дзотов. Мины, проволока, беспрерывные ракеты стерегли узенький участок фронта. И все-таки пограничники проскальзывали через передний край немецкой обороны.

На дороге, ведущей в Петсамо, появились люди в белых маскировочных халатах. Это был отряд капитана Лихушина. Разведчики взорвали мост, уничтожили три дома, девятнадцать землянок, сожгли десяток автомашин.

Теперь принято решение — бросить в немецкий тыл весь батальон. Задача трудная — перерезать единственную в горах дорогу, снабжавшую мурманскую группировку немцев. И не просто перерезать, а оседлать ее и таким образом нарушить коммуникации врага. Поведет батальон сам командир. И вот он обходит строй, проверяет обмундирование, лыжи и заглядывает в глаза. Они разные: суровые, наивные, с сухим блеском и мечтательные. И нет среди них равнодушных, обреченных.

Комиссар Филатов, с новенькой шпалой в петлице, аккуратно подтянутый, что-то говорит Каленикову воркующим баритоном. Тот взмахом руки обрывает его:

— А теперь отдыхать! И наедайтесь поплотнее! Пригодится!

Тихо стало в землянках. Лежали парни с открытыми глазами и думали. Думали о чем-то большем, чем собственная судьба. Коля Треногин, паренек с Камы, уронив голову на баян, чуть слышно играл про маньчжурские сопки. В дальнем углу кто-то повторял:

Жди меня, и я вернусь,
только очень жди.

Стихи эти несколько дней назад мы слышали от самого Симонова и тут же переписали их в свои тетради. Хотя у большинства не было невест, но стихи нам очень нравились: очень хотелось, чтобы нас ждали не только матери. И еще нам хотелось вернуться. Хоть одним глазком посмотреть, какая она будет, жизнь после стольких испытаний!

...В штабной землянке долго не потухала лампа. Еще и еще раз уточнялись несколько запасных вариантов выхода на цель, если по какой-либо причине нельзя будет исполнить главный маршрут.

— Итак, высаживаемся на мыс Пикшуев, — подытожил майор Калеников, — двумя группами. Следуем вот тут, — и он повел по карте остро отточенным карандашом, не оставляя следа. Опять повторили сроки, сигналы. Их повторяли командиры рот и политруки. Только за полночь майор, согнав с лица озабоченность и суровость, приказал вестовым накрыть стол. Потом разлил спирт по стаканам, себе налил большую кружку молока (майор не курил и не пил спиртного) и произнес тост:

— За удачу! За успех!

Второго тоста не было.

Позади осталась губа Эйна с обжитыми землянками, с тоской ожидания и шумливой суетой сборов. Коротко вспыхнули неожиданные огоньки, словно желая удачи десанту, идущему на небольших рыбацких ботах.

На первом — группа майора Зябликова, на втором — Старкова. Высадиться в двух точках, ухватить мыс мертвой удавкой и обеспечить высадку основных сил — такова задача.

Едва отчалив от пирса, ботики исчезли в упругом и сыром мраке. Море, черное и зловещее, ухало волнами. Накрывая судно с носа, вода легко перекидывалась на корму, скапывалась седым полотнищем в черноту.

В назначенном квадрате боты разошлись. Вздрыбленный, скалистый берег надвинулся сразу. Винт равнодушно месил воду. Неожиданно бот накренился на левый борт, содрогнулся, ударившись о что-то под водой, и остановился.

И сразу пропала напряженность. Началась высадка. Было ветрено, холодно. Где-то вдалеке растекались по темному небу всполохи ракет и постреливали пушки. Взвод за взводом, скрываются в сопках десантники. Мы торопимся. Надо как можно дальше уйти от берега.

Темная ночь отделила нас от моря, от мира. Кто-то в этот поздний час не смыкает глаз, раздумывая о сыне или о

муже; приехавший на побывку солдат обнимает девушку на крыльце; громяхают в тыловых городах одинокие трамваи, нарушая беспокойный сон уснувших кварталов. А мы идем и идем. Кто-то вернется домой, кто-то останется тут, на своей последней и неудобной пристани.

У нас впереди неизвестность. И сами мы тоже неизвестные: ни документов, ни черных капсул с фамилиями, ни единой бумажки в кармане. Одинаковые халаты, одинаковое покачивание фигур, и только номера винтовок и автоматов разные, да мысли и раздумья у каждого свои.

Скрипят лыжи. Неосторожно звякает фляжка, и тогда боец вполголоса вспоминает бога и его мать. По цепочке летят команды, и синие тени на снегу то останавливаются, то ускоряют свой бег по ледяному насту.

Словно неотвратимый штык, все дальше и дальше вонзается во вражеский тыл наш десант.

К утру разведка доложила:

— Видим противника. Немцы пересекают озеро.

Их было немногим больше двадцати. Шли они неторопливо, лыжа в лыжу. Впереди — офицер. Сзади на санках что-то зачехленное тянут по двое.

— Огонь! — подал команду Зябликов.

Яростно затакали пулеметы, рассыпались чистой дробью «шмайссеры» егерей. Дымчато-голубой снег запятнали убитые. А через несколько минут фашисты стали подниматься и протягивать вверх руки. Офицер старался уйти. Он вскакивал, бежал, петляя, и снова падал в снег.

— Живым взять его, — приказал командир.

Теперь стрелял только Николай Мелентьев. Его ручной пулемет посылал короткие очереди прямо под ноги бегущему. Наконец тот лег. Пробовал пошевелиться — опять очередь. Тупое рыльце «ручника» чутко стерегло шустрого офицера. К нему сзади подскочили два пограничника и скрутили. Он оказался командиром батареи, которую немцы должны были установить на Пикшуевом мысу.

От пленных мы узнали, что на нашем пути гарнизонов нет,

что возможность русского десанта немцы считают невероятной и побережье пока не минируется и охраняется слабо.

Подошла основная группа десанта с майором Калениковым. Он поздравил бойцов с первой удачей, и отряд устремился во вражеский тыл.

Это был трудный, выматывающий кросс. По узким каменным ущельям, по лысым скатам сопок мы уходили все дальше и дальше. Лица почернели, обветрились, вещевые мешки отощали: в них только патроны и гранаты, да по нескольку сухарей.

И вот на пятые сутки дорога. Единственная, связывающая передовые части немцев со своими глубокими тылами. Ровная, накатанная, с частым следом гусениц и шин.

Лейтенант Портман передал штабу армии первое донесение: «Цель взята. Два километра дороги заминировали». Пограничники до рассвета устроили из камней и снега ячейки для стрельбы, установили пулеметы и залегли в ожидании.

Первым был уничтожен немецкий дорожный батальон, встретили его бойцы лейтенанта Сорокалета. Быстрым жестом сильных рук он бросил своих «орлов» в атаку. Пограничники бежали, крича «ура», швыряя гранаты. Сбитые паникой, фашисты метались по дороге, валились и умирали, так и не поняв, откуда пришла смерть.

Бой разбился на отдельные части, которые, как костры, то ожесточенно разгорались, то затихали.

Толя Лапшин и Саша Лисовский, прижавшись к громадному валуну, били из автоматов прямо в гущу кричавших, обезумевших врагов.

На дороге стало жарко. Яростно клочкотали пулеметы. Злые и проворные свинцовые струи скрестились в густую сетку, и фашисты, убегая от этого смертного невода, попали на прицел основных сил десанта.

Калеников со своего наблюдательного пункта видел, что участь противника уже решена, и это радовало его. Он потирал от удовольствия руки и говорил Зябликову:

— Молодцы, ребята! Вот молодцы!

— Это пока начало, — отозвался майор.

— Лиха беда — начало! Остальное сделаем. Передай ротам, чтобы экономили патроны.

Вскоре все смолкло, и в этой неожиданной тишине стало слышно гудение моторов. Оно становилось все сильнее, показались машины и бронетранспортеры с пехотой. В кузовах машин — минометы. Ясно, что фашисты успели передать о русском десанте, и теперь их командование перебросило сюда войска с линии фронта. 110 машин насчитали пограничники. Бой закипел сразу, и скоро все вокруг потонуло в грохоте разрывов.

С резким завывающим звуком летели мины. Косматые фонтаны земли и бурого дыма вставали между нашими окопами. Грозный рокот прокатывался над высотой тяжелыми волнами. То тут, то там раздавались команды. Горели подожженные машины, где-то над облаками кружили самолеты, и ракеты летели то в нашу сторону, то от нас.

Колю Мелентьева, бежавшего впереди меня, взрывом швырнуло на камни. Я подполз и увидел, что он лежит пластом.

— Ранило?

— Почти убило, — ответил он, перевернувшись на спину. Осколок ударил по чехлу гранаты и разорвал телогрейку почти пополам. — Испортили казенную вещь, гады! Я здесь останусь, место выгодное.

Фашисты давили на психику. Они шли в полный рост, прижав к поясу автоматы. Строй атакующих разрушился у подножия — это ударил по врагу пулемет Николая. Но гитлеровцы лезли остервенело. Они подбадривали себя криками и беспорядочным огнем.

Мелентьев, укрывшись за камнями, подпускал их, а потом давал короткие и точные очереди. Перед его пулеметом лежали несколько егерей. Но живых было больше. Снаряды потрошили наши позиции.

Разрывы виднелись повсюду. Глухие, резкие, свистящие, ревушие, они сливались в какой-то немислимый рокот. Связь с ротами нарушилась. В клубах дыма, окутавших высоты,

нервно трещали автоматы. Что стало с позициями у дороги — неизвестно. На правом фланге обороны огонь стих. Майор видел, как фашистские автоматчики обходят высоту, поднимаясь выше и выше в глубину боевых порядков отряда.

Калеников коротко пробасил:

— Лейтенант Портман, передайте старшему лейтенанту Старкову — держаться до вечера!

Майор не отрывал глаз от бинокля. Он был весь там, где решалась судьба десятков людей. Его людей.

А они дрались. На высоте было не больше двух отделений. Старший лейтенант Старков лежал с бойцами в цепи и молча стрелял. Бойцы понимали, что назад дороги нет, что именно тут, на безымянной высоте, они должны выстоять.

Пулеметчик Матвеев, кряжистый отчаянный сибиряк, подпускал гитлеровцев так близко, что видел потные, покрасневшие лица, даже слышал, как у загнанной лошади, храп и нажимал на гашетку «максима». Его очереди начисто сметали наступающих.

— Патроны, патроны давай! — крикнул он своему второму номеру Игнатову.

А тот лежал в нескольких метрах, вытянув перед собой цинковый ящик.

Матвеев вскочил, и тут же пуля ударила его в грудь. Он качнулся, но устоял. Игнатов был мертв. Но сибиряк еще жил. Он полез на четвереньках по скользкому граниту, подполз к своему «максиму», вставил новую ленту и последним усилием заставил пулемет заговорить. Он уже не слышал голоса Старкова, увлекшего бойцов в атаку. Поднялись все. У одного перевязана рука, у другого в бинтах голова. Бегут решительно, смело. И захватчики, ошеломленные таким мужеством, не выдержали. Отхлынули. Из кармана Матвеева старший лейтенант достал потом сложенный вчетверо листок. Сибиряк писал перед боем: «Если погибну, прошу считать меня коммунистом».

Героически обороняли занятые высоты взводы лейтенантов Шихирина и Перова.

Перов, размахивая пистолетом, третий раз вел бойцов в контратаку. С флангов отчаянно били тяжелые пулеметы противника. И бежавшая позади Перова цепь рассыпалась, но передние вместе с лейтенантом уже врезались в гущу врага. В ход пошли приклады, кулаки, ножи... Автоматная очередь полоснула перед Перовым. Он еще успел свалить двух егерей, но тут пуля нашла лейтенанта.

Командование боем принял на себя младший сержант Кузнецов. Раненный в обе ноги и руку, он продолжал стрелять и отдавать приказы.

Убитых не хоронили. Они лежали на снегу, и колючая поземка наметала над ними холмики, уравнивая их теперь, таких разных при жизни.

Мы лежали с Николаем за валуном и дышали друг другу в лицо: так вроде теплее. Подняться бы, попрыгать, разогнать кровь. Но по сопке, это по нам, навесным огнем рубят пулеметные трассы. Когда они сходятся у нашего валуна, мы жмемся к камню и пытаемся втиснуться в него, и, кажется, гранит поддается.

Ох, как злобно скрежещет металл, когда страшная сила тротила сталкивает его с вековым гранитом. Завывает, закручивает сталь — рвет ее на куски и сечет березки и людей.

Недолет, перелет. Счастье улыбается нам — враги смещают огонь вправо, и мы вздыхаем. Может, прав Коля: не сделали еще наш снаряд, не подвезли нашу мину.

Молчат соседи справа и слева. Не то убиты, не то экономят патроны. Молчит вся сопка.

Фашисты надеются взять измором. Они всю светят ракетами и посылают в нашу сторону длинные разноцветные ленты трассирующих пуль.

На третьи сутки Калеников собрал командиров.

— Отряд свою задачу выполнил, — сказал майор. — Боеприпасы на исходе, продовольствие кончилось. Я принял решение — уходить в тундру, чтобы перейти фронт на левом фланге. Возвращаться на Пикшуев мыс мы не можем. Задача ясна?

— Ясна, — ответили командиры.

— Через полчаса прорываемся вот в этом направлении, — и Калеников показал в сторону сопки, откуда реже раздавались очереди. — Группу прорыва возглавит Сорокалет.

Сорокалет смотрел на светящийся циферблат. До начала атаки осталось полчаса. Ровно через тридцать минут лейтенант должен будет встать и крикнуть: «За Родину!» и первым пойти в наступающей цепи.

Но Сорокалет ничего не крикнул, а только взмахнул рукой и коротко бросил: «Вперед», и пошел по снегу, не оглядываясь. Он шел все быстрее и быстрее, но тяжелое дыхание своих парней уже настигало его.

Фашисты заметили группу прорыва почти у самой кромки озера и открыли огонь, который прижал взвод ко льду, и ребята теперь продвигались ползком.

Метр за метром они сближались с врагом. Над их головами пули поднимали легкий жутковатый ветерок.

— Треногин, — приказал лейтенант, — обходи точку по берегу и гаси ее!

— Лисовский — огонь по дзоту! — точнее только.

Леденистый наст поднимался фонтанчиками, как в частый летний дождь. И, как дождь, стих разом. Это Лисовский подавил огневую точку. И в тот же миг Сорокалет оторвал взвод от колючего наста. Отчаянное «ура-а-а!» — поднялось в темноте. И теперь ничто не могло остановить бойцов.

Следом за ними в узкую щель прорванного кольца окружения выскользнул весь отряд и ушел в ночь, в тундру.

Вероника — ягода дикая,
Глазки черные между камней,
Я питался тобой, вероникою,
Семь тяжелых, семь страшных дней.

А. Колесников

Отряд с рассветом перешел еще одно, скованное льдом озеро. Пограничники карабкались чуть ли не по отвесному

берегу, хватались за острые камни и сухие колючки кустарника.

Тут бы, на высоте, и передохнуть, но Калеников торопит: разведчики сообщили, что большие группы захватчиков рыщут невдалеке.

— Веселей, ребята, веселей! — подбадривал майор и, лихо отталкиваясь палками, обгонял уставшие и поредевшие роты.

И опять растягивается длинная цепочка лыжников. Тряпье маскировочных халатов болтается на ходу, раскачиваются автоматы, нудно поскрипывают крепления. С высоты на высоту бредем, мечтая о хлебе и какой-нибудь заброшенной землянке, где можно было бы хотя немного согреться и побаловаться кипятком.

Рядом со мной идет Коля Мелентьев, неисправимый фантазер. В отступлении солдаты всегда рассказывают нечто печальное, утешая себя тем, что пережитое раньше было еще хуже. А Коля, вытянув тонкую шею, вполголоса запел:

— В колхозах хлеба полны амбары...

— Перестань, — бросил кто-то впереди.

— Не сердись. Злость портит пищеварение, — усмехнулся Николай, — впереди привал и все такое прочее.

Пружинит под ногами олений лишайник. Снег лежит на нем синеватой корочкой. Проткни ее, разломай, и холодно, матово блеснет вероника, дикая ягода.

Возле застывшего ручья — отдых. У ледяной кромки торчит тальник. Серые камни и гирлянды прилипшей и застывшей тины.

Радист распаковал рацию.

— Что передать? — спросил он начальника штаба Зябликова.

— Повтори вчерашнюю шифровку, — приказал майор.

Радист принял ухом к металлической коробке, а потом зло сплюнул, выругался.

— Питание кончилось, — едва слышно сказал он и стал лихорадочно крутить отощавшие батареи, а потом швырнул их далеко в сторону и притоптал.

— Бывает хуже, — нарушил тяжелую тишину неунывающий Коля.

Тяжким был тот день. Мы зарылись в снег. И сладкие, неуловимые небылицы приходили мне в коротком сне. Над нами падали пушистые, невесомые хлопья снега. Как лепестки невиданного цветка, они кружились и кружились, а потом превратились в сплошную летящую мглу. Упругими волнами рядом ревущий океан гнал на нас снежные валы: они подмяли березки и укрыли наш неровный след.

На коротких привалах майор Калеников доставал из нагрудного кармана небольшой блокнотик с рыжеватыми короткими корочками. Это был полевой журнал боевых действий. Командир записывал скупо, коротко.

«17 ноября. Слышим гул самолетов. Видимо, нас ищут. Из-за низкой облачности сигнал о себе дать не можем. Боезапас подходит к концу.

18 ноября. Следуем на юго-восток по старой телефонной линии, левее слышим артстрельбу. С нами двадцать раненых. Везем их на санках, сделанных из лыж. Прошли еще шесть километров. Бойцы спят на ходу. На местах поворотов лыжников ставим командиров.

19 ноября. Над нами повис немецкий самолет-разведчик. К полудню две группы фашистов пытались остановить отряд. Разведчики Ширихина вступили в бой с егерями и отогнали их в тундру.

20 ноября. Съедены ружейные ремни. Бойцы обессилены и часто падают. Разведчики Тимохин, Лапшин, Телегин прокладывают лыжню. Прошли еще пять километров.

21 ноября. 16 бойцов подали заявления в партию. Принимали всем отрядом. Посмертно принят в партию пулеметчик Матвеев. После собрания молодые коммунисты отправились в голову колонны.

22 ноября. Восемнадцатые сутки мы в походе. Наверное, нас считают пропавшими без вести. Позади почти двести километров. Бойцы держатся хорошо».

По каменным россыпям черной тундры, по унылому ред-

колесью шли мы след в след. Упасть-пропасть. Пойдешь-дойдешь. Судьбы на свете нет.

Немеют руки и плечи до кончиков пальцев. А мешки, уныло пустые, дают плечи. Низкие облака, зацепившись за выступы вершин, застыли, словно в удивлении, над нами. Небо слилось с землей. И в этом безмолвии тихо поскрипывают лыжи. Ни шуток, ни команд. Только вперед, только за ним, нашим командиром. Его спина раскачивается перед глазами, и мы тоже покачиваемся. Нам кажется, мы идем быстро, а сопка все так же маячит справа, столбы не торопятся навстречу.

— Наши идут! — крикнул что было сил Толя Лапшин, и, показывая палкой в сторону вынырнувшей из белесого тумана группы лыжников, бросился к ним, вкладывая в этот финишный рывок остаток сил.

Да, Толя не ошибся—это были разведчики. Они искали нас.

«Кто хоть однажды видел это...» — поется в любимой песне солдат-ветеранов. И я повторял эти слова, потому что не мог поверить в поразительный запас негибемого мужества людей, прошедших сквозь огонь, стужу и голод. Потому что никогда не забывал, как шел в этом строю.